E41
162

КН
66
Б799
Фрунзе

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БОЛЬШЕВИК-ВОИН

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ

ФРУНЗЕ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
[1926]

54391/80

ИЗДАТЕЛЬСТВО МК РКП (б)
„МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“
Москва, Большая Дмитровка, 26. Тел., 4-31-65.

ЛАФАРГ, П. — Против бога и капитала. Социалистические памфлеты. Вступительная статья Ф. Меринга. Редакция и предисловие С. Шевердина. Издание 3-е, 243 стр. 1 руб.

В едком памфлете, популярной научной беседе, в живой всегда образной и незабываемой форме, с бичующим сарказмом, с полной огня поражающей фантазией разоблачает Лафарг в своих памфлетах всю гниль буржуазного общества. Глубокая уверенность Лафарга в близком конце капитализма связывает творчество Лафарга непосредственно с переживаемой нами современностью.

ГОЛЬБАХ. — Здравый смысл. Естественные идеи, противопоставленные идеям сверхъестественным. Атеистический памфлет XVII века. 335 стр. 1 р. 20 к.

„Бойкая, живая, талантливая, остроумно и открыто нападающая на господствующую поповщину публицистика старых атеистов XVIII века сплошь и рядом окажется в тысяча раз более подходящей для того, чтобы пробудить людей от религиозного сна, чем скучные, сухие пересказы марксизма“ — Ленин.

ЛАФАРГ, П. — Происхождение и развитие собственности. 207 стр. 1 р. 25 к.

В небольшой по об'ему книжке Лафарг не только дал богатейший превосходно подобранный материал, охватывающий тысячелетия развития человеческого общества, но и провел свое изложение и причину по основному признаку зарождения и развития частной собственности на средства производства.

КРЖИВИЦКИЙ, Л. — Происхождение идей. 31 стр. 20 к.

Популярная книжка польского экономиста Л. Крживицкого ставит себе основной задачей раскрыть в доступной форме, — под влиянием каких факторов по[illegible]ся новые идеи в обществе и при каких условиях они воплощаю[illegible]жи[illegible]ку с интересом прочтет всякий приступающий к изучению основ историче[illegible] материализма.

ФОРЛЕНДЕР, К. Общедоступная история философии. [illegible] р.

Умело и толково написанная книга К. Фо[illegible]ется в настоящее время единственным пособием для изучения философии с древнейших времен до Маркса, Энгельса и Ла[illegible] включительно. Пояснительные примечания Е. Преображенского значительно облегчают возможность критическ[illegible]относ[illegible]я к идеалистическим уклонам автора. К книге приложен обстоятел[illegible]составленный словарь философских терминов и иностранных слов.

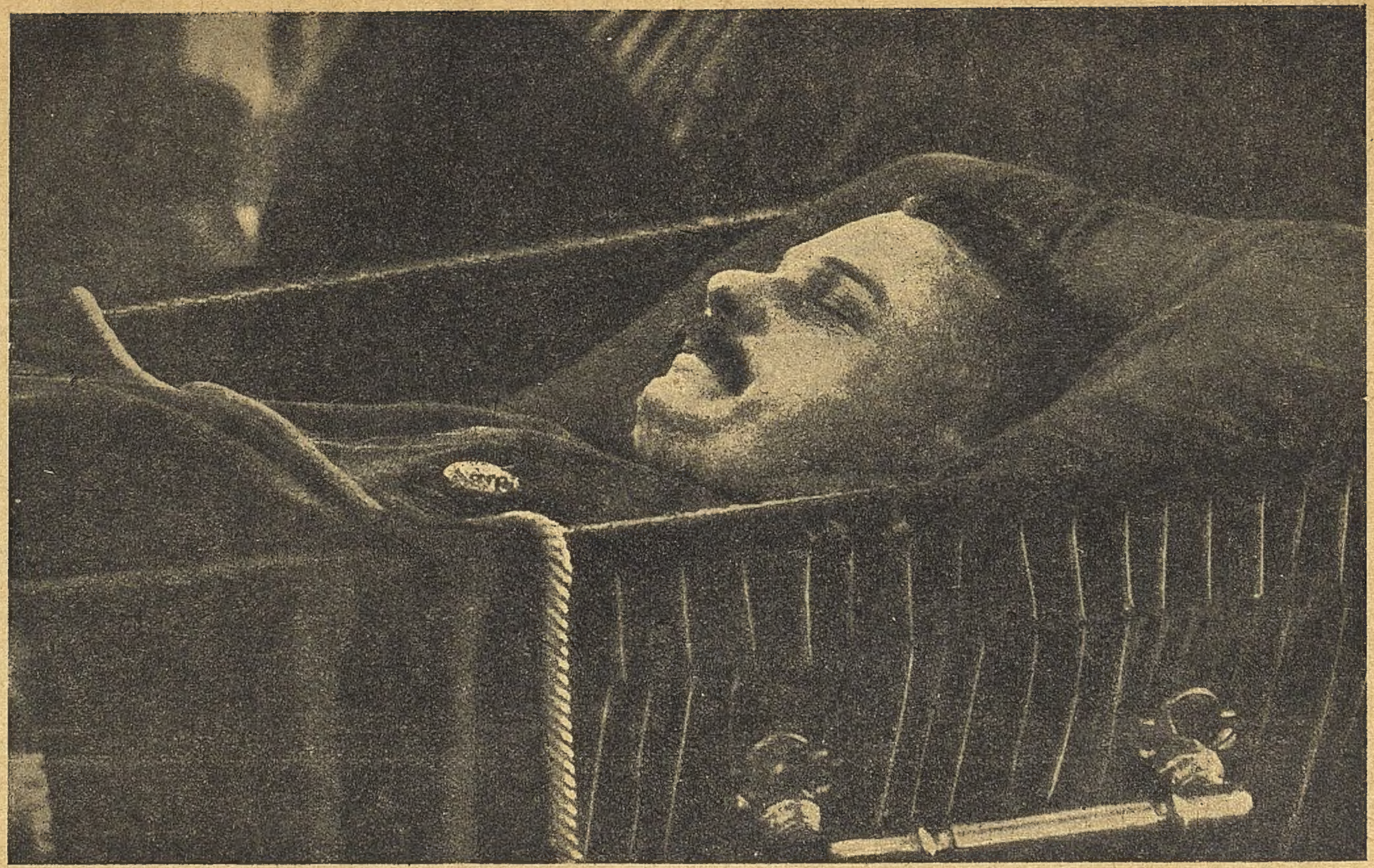
ФРИДМАН, В. Г. — Свет и материя. Общедоступн[illegible]черк спектрального анализа. [illegible]дание 3-е, значительно дополненное. 25[illegible] 80 к.

КОЛЬМАН, Э. — Программа курса естествознания. [illegible]х школ политграмоты второй ступени. 42 стр. 18 коп.

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ. Труды [illegible]ном Института Красной Профессуры, под общей ре[illegible] и С. Членова. 496 стр. 3 р. 80.

Содержание. В. Позняков.—Про[illegible] в учении Адама Смита. Л. Эвентов.—Про[illegible] школе. Б. Боролин.—Политэкономия либ[illegible] энгеймера. С. Розенберг.—Теория распр[illegible] и Круве. А. Угаров.—Государственн[illegible] Кнаппа и попытки ее экономическо[illegible] Государственная теория де[illegible]

Тов. М. В. ФРУНЗЕ.



Тов. М. В. ФРУНЗЕ (в гробу).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Е 41 62

БОЛЬШЕВИК-ВОИН

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ

ФРУНЗЕ

54391
Инв. 2044

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 54291 г.

Главлит № 48:257. Тираж 5.000.

Типография Из-ва МГСПС „Труд и Книга". Б. Якиманка, 32.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ

В ночь на 31 октября от паралича сердца умер после операции председатель Реввоенсовета СССР Михаил Васильевич Фрунзе.

Союз ССР потерял в лице умершего опытного, закаленного в революционной борьбе вождя революционного народа, потерял борца, который всю свою жизнь, от подпольного кружка до ожесточенных боев в гражданской войне, был на самых опасных и передовых постах.

Армия и флот потеряли одного из лучших знатоков военного дела, организатора вооруженных сил Республики, непосредственного руководителя победы над Врангелем и организатора первого победоносного удара против Колчака.

В лице покойного сошел в могилу виднейший член правительства, один из лучших организаторов и руководителей Советского государства.

Народ и правительство понесли громадную утрату, как раз в такой момент, когда творческие замыслы тов. Фрунзе в деле организации вооруженных сил Республики стали с громадным успехом претворяться в жизнь, обеспечивая государству защиту его границ, народу—возможность мирного труда и строительства. Утрата тов. Фрунзе особенно тяжела в настоящий момент, когда в связи с хозяйственным восстановлением государства и ростом к нему сочувствия со стороны трудящихся всего мира растет и ненависть мировой буржуазии к Республике Советов.

Трудящиеся СССР не забудут заслуг тов. Фрунзе перед пролетарской революцией.

Похороны покойного состоятся во вторник, 3 ноября; для организации похорон правительством создана специальная комиссия в составе тт.: Енукидзе, Уншлихта, Бубнова, Любимова, Михайлова.

Москва, 31 октября 1925 г.

КО ВСЕМ ЧЛЕНАМ ПАРТИИ. КО ВСЕМ РАБОЧИМ И КРЕСТЬЯНАМ

Товарищи!

От паралича сердца умер верный боец нашей партии, один из лучших ее сынов, тов. Фрунзе.

Тов. Фрунзе принадлежал к той славной, стальной гвардии большевиков, которая в глубоком подполье, под бичами и скорпионами царизма подрывала устои проклятого самодержавия; которая среди непроглядного мрака сумела организовать массы, сплотить ряды несокрушимой пролетарской партии, вести в бой революционные миллионы трудящихся; которая сумела руководить победой в битвах, еще невиданных в истории человечества; которая вела и ведет партию, а через нее весь народ, к великому строительству социализма.

Личная история Фрунзе, нашего дорогого боевого товарища, сердце которого перестало биться в ночь на 31 октября, есть отражение истории нашей партии, мужественной, беззаветно храброй, до конца преданной пролетариату, сросшейся всеми корнями с рабочими кварталами. Тов. Фрунзе с юных лет был на передовой линии огня. Первые, мощные стачки пролетариата, московские баррикады 1905 г., долголетняя каторга вплоть до взрыва самодержавного режима — видели Фрунзе, как неутомимого бесстрашного борца. Баррикады великого Октября, бесчисленные фронты гражданской войны знали Фрунзе, как своего героя, не выходившего из линии огня, как одного из самых выдающихся организаторов пролетарской победы.

Не раз и не два уходил тов. Фрунзе от смертельной опасности. Не раз и не два заносила над ним смерть свою косу. Он вышел невредимым из героических битв гражданской войны, и всю свою кипучую энергию, весь свой организаторский размах отдал делу нашего строительства, вы-

двинувшись в качестве вождя нашей победоносной Красной армии.

И теперь он, поседевший боец, ушел от нас навсегда. Не выдержало его сердце, столько пережившее и бившееся такой пламенной, такой горячей любовью ко всем угнетенным. Умер большой революционер-коммунист. Умер наш славный боевой товарищ. Умер руководитель победоносных боев Красной армии. Умер выдающийся ее строитель.

От имени всей нашей партии склоняем мы знамя Центрального Комитета перед прахом товарища Фрунзе.

Да здравствует наша партия, сыном которой был Фрунзе!

Да здравствует Красная армия, которую строил покойный боец!

Центральный Комитет РКП(б).

31 октября 1925 г.

ИСТИННЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТ

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала потерял в лице тов. Михаила Васильевича Фрунзе одного из выдающихся своих членов. Передовые рабочие всего мира знают имя Михаила Васильевича Фрунзе, как имя международного пролетарского революционера, который всегда готов был отдать свою жизнь за дело международного пролетариата. Герой и вождь Красной армии, детище Великой Русской Революции, он являлся героем международной пролетарской борьбы. С замиранием сердца авангард международного пролетариата следил за каждым движением Красной армии в наиболее критические для русской революции минуты. И в самом опасном месте и в самые ответственные минуты он видел М. В. Фрунзе. В рабочих кварталах всего мира рабочие-коммунисты знают и любят М. В. Фрунзе. Рабочая молодежь будет воспитываться на примере прекрасной жизни М. В. Фрунзе, прошедшего через царскую каторгу, отдавшего все силы делу освобождения человечества от ига капитала.

Международный пролетариат будет чтить память истинного большевика, истинного интернационалиста Михаила Васильевича Фрунзе.

Исполнительный Комитет Коминтерна.

31 октября 1925 г.

БИОГРАФИЯ М. В. ФРУНЗЕ

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ.

Михаил Васильевич Фрунзе родился в 1885 г. в уездном городе Пишпеке, Джетысуйской (прежде Семиреченской) области (Туркестан).

Отец его—по происхождению крестьянин Захарьевской (ныне переименованной во Фрунзенскую) волости, Тираспольского уезда, Херсонской губернии, по национальности обрусевший молдаванин. Мать—из крестьянок Воронежской губернии.

Первоначальное образование тов. Фрунзе получил в городской школе, а затем в гимназии в гор. Верном (теперь Алмата), которую успешно окончил в 1904 г. Материальные условия существования семьи в связи со смертью отца, скончавшегося в то время, когда тов. Фрунзе было только 12 лет, были очень тяжелы, и ему с раннего возраста приходилось зарабатывать уроками кусок хлеба для себя и для семьи. По окончании гимназии т. Фрунзе поступил в Петербургский (ныне Ленинградский) Политехнический институт.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ РАБОТА

Первое знакомство с революционным движением т. Фрунзе получил еще в то время, когда был в гимназии, где участвовал в кружках самообразования. С переездом в Петербург вступил в социал-демократическую партийную организацию и сразу же примкнул к большевикам. С конца 1904 года т. Фрунзе уже принимает активное участие в деятельности различных большевистских организаций. К этому времени относится его первое боевое крещение, как участника большой революционной демонстрации в Петербурге в ноябре 1904 года, на которой он был арестован, а затем выслан из города.

С начала 1905 года тов. Фрунзе работает первоначально в Москве, а затем во Владимирской губернии (Иваново-Вознесенск).

Тов. Фрунзе был одним из руководителей и организаторов знаменитой Иваново-Вознесенской забастовки 1905 года, когда приостановили работу все крупнейшие фабрики Иваново-Вознесенского района.

В декабре того же 1905 года т. Фрунзе принимает активное участие в восстании московских рабочих, во время которого дерется на баррикадах Красной Пресни. Это восстание было самым ярким моментом революции 1905 г., первым массовым восстанием рабочего класса в России.

В 1905 г. тов. Фрунзе избирается иваново-вознесенской организацией на 3-й всероссийский с'езд партии в Лондоне, а в следующем, 1906 году—на IV с'езд партии в Стокгольме (Швеция). В эти годы тов. Фрунзе является организатором Иваново-Вознесенской окружной партийной организации, а затем и Иваново-Вознесенского союза РСДРП, в который входили партийные организации Иваново-Вознесенска, Шуи, Кинешмы, Тейкова и др. За эти первые годы своей революционной работы т. Фрунзе был несколько раз арестован.

КАТОРГА. СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР. ПОБЕГ

В начале 1907 года, когда царская власть, подавив революцию 1905 года, стала расправляться с рабочим классом и его вождем—партией большевиков, тов. Фрунзе арестовывается в гор. Шуе (Иваново-Вознесенской губернии). Обвиняли его первоначально в том, что он состоит членом большевистской партии, и приговорили к 4 годам каторжных работ. Затем тов. Фрунзе снова привлекается к суду по делу о вооруженном сопротивлении полиции. Царский военный суд приговаривает тов. Фрунзе к смертной казни. Этот приговор отменяется главным военным судом, так как у суда не было никаких доказательств участия тов. Фрунзе в этом деле. Дело было передано на новое рассмотрение, был назначен новый суд. Новый суд вновь приговорил тов. Фрунзе к смертной казни с заменой 6 годами каторжных работ. Эти 6 лет тов. Фрунзе должен был отбыть сверх прежних 4 лет.

Каторгу тов. Фрунзе отбывал сначала во Владимирской (5½ лет), затем в Николаевской (2 года) и, наконец, в Александровской центральной (в Сибири) каторжных тюрьмах. В конце 1914 года тов. Фрунзе выходит на поселение в Верхоленский уезд, Иркутской губернии. Но скоро, летом 1915 года, вновь подвергается аресту за создание организации ссыльных. От тюремного сидения тов. Фрунзе спасается бегством и с конца 1915 года живет нелегально под фамилией В. Г. Василенко в Забайкальской области. Совместно с другими товарищами он организует большевистский еженедельник «Восточное Обозрение» и становится одним из его редакторов. Будучи раскрыт жандармами, тов. Фрунзе, спасаясь от нового ареста, бежит в Россию.

Здесь под фамилией Михайлова попадает на службу во Всероссийский Земский Союз и работает на Западном фронте вплоть до революции 1917 г. Во время пребывания на Западном фронте тов. Фрунзе работает над созданием нелегальных революционных организаций в царской армии. К февральской революции тов. Фрунзе работает в подпольной партийной организации, центр которой был в г. Минске, а отделения этой организации—в 3-й и 10-й армиях Западного фронта.

ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

С начала февральской революции тов. Фрунзе становится одним из руководителей революционного движения в Белоруссии и на Западном фронте. В гор. Минске он руководит разоружением царской полиции и жандармов и становится на пост начальника гражданской милиции. В первые месяцы после февральской революции принимает участие в организации минского совета рабочих депутатов и работает постоянным членом его исполкома; организует по всей Белоруссии советы крестьянских депутатов, проводит два с'езда крестьянства Белоруссии и является председателем совета крестьянских депутатов Белоруссии и председателем его исполкома.

Когда созван был всероссийский с'езд крестьянских депутатов, тов. Фрунзе поехал депутатом на с'езд от крестьянских советов Белоруссии, где избирается членом президиума

всероссийского с'езда. И на фронте Фрунзе проделывает большую работу,—совместно с рядом других товарищей работает в солдатских организациях, организует с'езд армий Западного фронта. С'езд этот избирает его членом фронтового комитета. В то же время тов. Фрунзе принимает участие в редактировании большевистской газеты «Звезда», выходившей тогда в Минске.

В дни контр-революционного выступления генерала Корнилова тов. Фрунзе избирается фронтовым комитетом и исполкомом минского совета начальником штаба революционных войск Минского участка.

Вскоре после этого, в конце августа 1917 года, т. Фрунзе переезжает в Иваново-Вознесенский район, в гор. Шую, где он работал до каторги.

В г. Шуе тов. Фрунзе избирается председателем совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, председателем городской думы и уездной земской управы.

ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ

В дни Октябрьской революции тов. Фрунзе становится во главе вооруженных сил Шуйско-Ивановского района и 30 октября приезжает в Москву с вооруженным отрядом в 2.000 рабочих и солдат, принимая непосредственное участие в боях на улицах Москвы за власть советов.

После установления Советской власти, когда была организована Иваново-Вознесенская губ., тов. Фрунзе избирается председателем губисполкома. Все время был председателем шуйского уездного комитета и иваново-вознесенского губернского комитета партии большевиков; избирается на все С'езды Советов, начиная со 2-го. Владимирская губерния посылала тов. Фрунзе от партии большевиков в учредительное собрание.

В течение весны и лета 1918 года, на ряду с исполнением обязанностей председателя губисполкома и председателя губернского комитета партии, тов. Фрунзе был и губернским военным комиссаром и председателем губернского совета народного хозяйства.

ОБОРОНА РЕВОЛЮЦИИ

После подавления контр-революционного ярославского восстания, тов. Фрунзе назначается окружным военным комиссаром ярославского военного округа, а в декабре 1918 г., когда адмирал Колчак, заняв Сибирь, стал двигаться на Москву, тов. Фрунзе получает назначение командующего 4-й армией на Восточном фронте.

В апреле 1919 года, когда колчаковская армия достигла наивысшего развития своего наступления на Советскую Россию, когда создалась большая угроза Казани, Симбирску и Самаре, тов. Фрунзе был назначен командующим четырьмя армиями южного участка Восточного фронта (4, 1, Туркестанская и 5). Тов. Фрунзе организует и проводит удар во фланг наступавшим колчаковским армиям из района Бузулука; эта операция больно ударяет по колчаковцам и приводит к срыву наступательной операции Колчака и к быстрому отходу его армий на всем Восточном фронте.

Оставаясь командующим южной группы, тов. Фрунзе принимает непосредственное руководство уфимской операцией. При наступлении на Уфу, во время переправы через реку Белую, у селения Красный Яр, тов. Фрунзе, находясь с иваново-вознесенским полком на передовых позициях, был контужен разорвавшейся бомбой, брошенной аэропланом противника. За эту геройскую операцию при Уфе тов. Фрунзе награжден орденом Красного Знамени.

В конце июня тов. Фрунзе получает назначение командующим всеми армиями Восточного фронта и успешно руководит боевыми операциями до момента захвата красными частями Челябинска и перехода их через Уральские горы по всему фронту.

В августе, с разделением Восточного фронта на два направления—Сибирское и Туркестанское,—тов. Фрунзе назначается командующим армиями Туркестанского фронта (11, 4, 1 и войска в Туркестане). В течение сентября тов. Фрунзе ведет операции по окружению и уничтожению южной армии Колчака, которой командует генерал Белый. В результате операций восстанавливается связь с Туркестаном, а оренбургское казачество переходит на сторону советской власти. В течение декабря тов. Фрунзе руково-

дит операциями по ликвидации Уральского фронта, что и успешно заканчивает в конце декабря захватом гор. Гурьева и занятием берегов Каспийского моря.

Оставаясь командующим армиями Туркестанского фронта, тов. Фрунзе назначается членом комиссии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета по делам Туркестана, а также членом такой же комиссии Центрального Комитета РКП (б).

С февраля 1920 года по август тов. Фрунзе работает в Туркестане и руководит операциями по ликвидации Семиреченского белогвардейского фронта. С конца августа, во время восстания революционного народа Бухары, свергнувшего эмира, тов. Фрунзе с частями Красной армии помогает закреплению революционной власти и очищает вместе с восставшими молодую республику от белогвардейских войск эмира.

В сентябре 1920 года тов. Фрунзе получает новое назначение—командующим армиями Южного фронта против Врангеля.

В последних числах ноября заканчивает операцию по ликвидации южно-русской контр-революции занятием Крымского полуострова. За эту выдающуюся славную боевую кампанию тов. Фрунзе получает от ВЦИК революционное почетное оружие—шашку с орденом и портретом Карла Маркса с соответствующей надписью.

После ликвидации внешних фронтов тов. Фрунзе назначается уполномоченным Реввоенсовета Республики на Украине и командующим всеми ее вооруженными силами.

Под его непосредственным руководством ликвидируются петлюровщина и махновщина, при чем в 1921 г. под селением Решетиловка, Полтавской губ., будучи в разведке и окруженный махновцами, он получает двойное ранение в правый бок; его плащ простреливается семью пулями, и только случайность спасает его от смерти. Награжден повторно орденом Красного Знамени.

На ноябрьской всеукраинской конференции 1920 года тов. Фрунзе избирается членом Центрального Комитета коммунистической партии большевиков Украины, а С'ездом Советов Украины—членом Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета.

Тов. Фрунзе состоял членом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, начиная с III С'езда Советов. На X С'езде РКП (б) тов. Фрунзе избирается членом Центрального Комитета партии, которым оставался до самой смерти.

ТОВ. ФРУНЗЕ—РУКОВОДИТЕЛЬ КРАСНОЙ АРМИИ

1 апреля 1924 года тов. Фрунзе назначается заместителем председателя РВС СССР и, вследствие затяжной болезни тов. Троцкого, фактически руководит Красной армией. Одновременно тов. Фрунзе состоял начальником штаба РККА, начальником Военной Академии и председателем Высшего Военного Редакционного Совета.

26 января 1925 г. тов. Фрунзе был назначен ЦИК СССР народным комиссаром по военным и морским делам и председателем Реввоенсовета СССР.

Тов. Фрунзе состоял членом Центрального Комитета РКП (б), ЦК Коммунистической Партии (б) Украины и членом Президиума ЦИК СССР.

БОЕВАЯ РАБОТА ТОВ. ФРУНЗЕ

(На Восточном фронте)

Выдающаяся боевая работа тов. Фрунзе на Восточном фронте началась с командования им в начале 1919 г. так называемой южной группой, в состав которой первоначально, кроме 4-й армии, входили лишь некоторые части 25-й и Пензенской дивизий. Но затем мало-по-малу эта южная группа включила 1-ю, 4-ю, Туркестанскую и 5-ю армии. Таким образом, под командой товарища Фрунзе оказалось более чем две трети сил всего Восточного фронта. Зимняя кампания конца 1918 и начала 1919 года на Восточном фронте была отмечена приостановкой нашего наступления в центре, на уфимском направлении, и потерей Перми на севере, но ознаменовалась выдающимися по своему значению успехами именно на южном участке Восточного фронта, где первая армия, двинувшись в суровую зимнюю пору, по глубоким снегам, одновременно от Стерлитамака и Кинели, 22 января 1919 г. заняла Оренбург, соединившись

здесь с прибывшим из Актюбинска отрядом тов. Зиновьева, т.-е. с Туркестанской армией.

Через три дня, 24 января 1919 г., был взят Уральск частями 22-й дивизии 4-й армии и 25-й (бывш. Самарской) дивизией 1-й армии.

В марте 1919 г. для Советской России были завоеваны район по р. Уралу между Лбищенском и Оренбургом, Илецк и Орск. Связь с Туркестаном временно была снова утрачена. С другой стороны, несомненным успехом Красной армии явился переход на нашу сторону значительной части Башкирской дивизии и башкирского населения.

Последующие события показали, какое огромное значение имели прочное занятие нами Оренбурга и Уральска и утверждение и распространение Советской власти в Оренбургской и Уральской областях, проведенные под общим руководством тов. Фрунзе.

В начале марта Колчак, не закончив сосредоточения своих частей, внезапно повел наступление на стык второй и пятой армий, которое привело к жестокому разгрому 5-й армии. Противник не только занял Уфу, но продвинулся на 250—300 верст по направлению к Волго-Бугульминской и Самаро-Златоустовской железной дорогам, угрожая Чистополю и Самаре, от которых был всего в 60 верстах. Положение Восточного фронта не было катастрофическим, но признавалось настолько серьезным, что лишь новый приток энергии и твердая точка опоры в пределах фронта могли восстановить положение.

Такой приток энергии оказался в общем усиленном внимании к Восточному фронту, в притоке средств и пополнений, в обновлении командования и в особенности в усиленной военно-политической работе. Необходимая точка опоры нашлась в виде южной группы Восточного фронта; она и нанесла первые серьезные удары Колчаку, от которых ему впоследствии так и не удалось оправиться.

Продвижение Колчака от Бирска и Уфы на Мензелинск и Самару, в связи с устойчивым положением Оренбурга и Уральска, создало совершенно своеобразное положение на южном участке Восточного фронта, где 1-я, 4-я и Туркестанская армии, вместе с отходящими частями 5-й армии, сомкнулись своими тылами в тесном, клинообразном выступе

Самара—Оренбург—Уральск, примыкая к железной дороге Самара—Оренбург. Положение одновременно могло считаться крайне опасным, поскольку угроза противника непосредственно висела над тылами всех этих армий, скученных на тесном пространстве, и в то же время выгодным для удара во фланг зарвавшегося противника. Группировка складывалась ясная, но все зависело от того, кто и как ее использует.

Еще с конца 1919 г. существовало предположение об'единить в южной группе под командой тов. Фрунзе 1-ю, 4-ю и Туркестанскую армии. Но тогда это предполагалось сделать для туркестанского направления. Теперь такое же об'единение командования потребовалось для восстановления положения на всем Восточном фронте. Приказом рев-военсовета Восточного фронта от 10 апреля 1919 года с 11 апреля 1-я и 5-я армии перешли в оперативное подчинение командующего южной группой тов. Фрунзе, с разграничительной линией между южной группой и 2-й армией: Бирск, Чистополь, устье Камы. Главный удар по левому флангу Колчака последовал со стороны Бузулука, 4 мая был взят Бугуруслан, 13 мая—Бугульма, 17—Белебей.

Инициатива бесповоротно перешла на сторону Красной армии, и не только Волга осталась «честной советской рекой», но вся судьба колчаковщины оказалась предрешенной.

В отношении этого периода операций надо также отметить, что первое грозное предостережение Колчак получил еще до бугурусланского удара в более тесном кругу южной группы. Понимая, вероятно, все значение Оренбурга для последующих операций, Колчак перебросил под Оренбург две дивизии своего 4-го корпуса, но в бою 27 апреля на реке Самаре этот корпус был почти совершенно уничтожен, и именно эта победа и позволила командованию Восточного фронта закончить сосредоточение ударной группы под Бузулуком.

Бугурусланскую операцию надо было завершить восстановлением положения под Уфой и на реке Белой. Выполнение этого плана выпало снова на долю тов. Фрунзе, как командующего южной групой Восточного фронта.

Вся операция была проведена вполне успешно, несмотря на упорное сопротивление противника и его попытку контр-

удара с севера, во-время раскрытую и полностью ликвидированную. 9 июня Уфа была взята. После этого 5-я и Туркестанская армии переправились через р. Белую и Уфу. Противник начал отход по всему фронту.

Во время этой операции тов. Фрунзе с 7 июня лично руководил переправой через р. Белую ниже города Уфы, у Красного Яра, в районе 25-й, а потом 31-й дивизии, участвуя в отражении отчаянных контратак отборных егерских и офицерских частей противника, а 9 июня был контужен в голову разрывом бомбы с одного из самолетов противника, которые действовали в составе целой эскадрильи. По окончании уфимской операции туркестанская армия, в ее временном составе, была расформирована. Другие войска южной группы (1-я и 4-я армии), покончив с сибирским направлением, были обращены для восстановления положения в Уральской и Оренбургской областях.

Обстановка в оренбургском направлении была тяжелой. Но рабочие Оренбурга отстояли его, несмотря на непрекращавшиеся в течение 2 месяцев удары Колчака. Гарнизон Уральска выдержал месячную осаду, все время ведя активную оборону. Части 4-й армии тов. Авксентьева отбросили казаков и рядом тяжелых боев дали выиграть время для переброски частей с уфимского направления.

В течение июня и части июля переброска была окончена, и 11 июля части 25-й дивизии соединились с уральским гарнизоном, а с половины августа начался отход противника от Оренбурга.

Устойчивость частей южной группы Восточного фронта и твердая политика в конце концов одержали верх над всеми временными затруднениями.

НА ТУРКЕСТАНСКОМ ФРОНТЕ

15 августа южная группа в составе 1-й, 4-й и 11-й армий образовала самостоятельный Туркестанский фронт под начальством тов. Фрунзе.

Несмотря на тяжелые условия, заторы в снабжении и развитие эпидемических заболеваний, 1-я и 4-я армии усиленно продвигались вперед. 11-я армия с железным упорством отстаивала нижнюю Волгу и весь Астраханский край.

К концу августа усиленно развилось движение туркестанских войск навстречу 1-й армии. 29 августа взят Орск, 2 сентября—Актюбинск, 10 сентября 1-й бригаде 49-й дивизии сдались остатки южной армии Колчака в составе 2.000 с оружием и снаряжением, что облегчило соединение 1-й армии и туркестанских войск.

Это соединение состоялось 13 сентября, в 13 час., на ст. Мугоджарской. Ворота в Туркестан были открыты. Оставалось покончить с уральским казачеством и с киргизами Джамбейтинской ставки, что и было завершено в половине ноября 1919 года частями 1-й армии.

5 января 1920 года после труднейшего 500-верстного похода частями 4-й армии был взят последний оплот и база уральских казаков—г. Гурьев. К 13—17 февраля были уничтожены последние остатки уральской армии.

НА ЮЖНОМ ФРОНТЕ

После взятия частями Красной армии Новороссийска, когда остатки Добровольческой армии были переброшены в Крым, Деникин передал верховное командование генералу барону Врангелю, а сам уехал за границу.

Вступив в командование армиями, Врангель старается расширить зону своих действий, и ему удается достигнуть вначале в этом направлении ряда успехов.

Ряд первоначальных успехов Врангеля, представлявших непосредственную угрозу Украине, в связи с отсутствием Красной армии на Западном фронте, вынудил наше главное командование создать особый фронт для борьбы с Врангелем.

Приказом Реввоенсовета Республики от 21 сентября 1920 года сформирован новый Южный фронт, в состав которого включены действовавшие против Врангеля 6-я, 13-я и 2-я Конная армии.

Командующим фронтом назначен командующий Туркестанским фронтом, член ВЦИК тов. Михаил Васильевич Фрунзе (Михайлов).

Тов. Фрунзе вступил в командование фронтом 27 сентября. Первым шагом нового командующего было обращение к красноармейцам и всему составу фронта.

— Товарищи,—говорил тов. Фрунзе в приказе по армиям Южного фронта,—вся рабоче-крестьянская Россия, затаив дыхание, следит сейчас за ходом нашей борьбы здесь, на врангелевском фронте. Наша измученная, исстрадавшаяся и изголодавшаяся, но попрежнему крепкая духом сермяжная Русь жаждет мира, чтобы скорее взяться за лечение нанесенных войной ран, скорее дать возможность народу забыть о муках и лишениях ныне переживаемого периода борьбы. И на пути к этому миру она встречает сильнейшее препятствие в лице крымского разбойника барона Врангеля.

Тов. Фрунзе зовет войска Южного фронта в решительный бой с врагом:

— Врангель должен быть разгромлен, и это сделают армии Южного фронта!

Положение на фронте было следующее:

6-я армия занимала правый берег Днепра, от Херсона до устья реки Бузулука; 13-я армия—линию реки Днепра, от устья реки Бузулука до Мариуполя; 2-я Конная армия была сосредоточена в резерве, на правом берегу Днепра, в районе ст. Апостолово, и заканчивала свое формирование.

Перед новым командующим сразу же возникла сложная задача: не приостанавливая работ по укреплению и пополнению армий и не нарушая намеченного главным командованием плана подготовки широкого наступления, ликвидировать прорывы Врангеля в направлении на Синельниково и Донецкий бассейн.

Ликвидировав прорывы Врангеля на Синельниково и Донецкий бассейн, войска Южного фронта ведут ожесточенные бои в районе Александровск—Никополь, которые приводят 17 октября к полному очищению противником правого берега Днепра с большими для него потерями.

Тов. Фрунзе сейчас же ставится задача приостановки дальнейшего наступления и активной обороны занятых рубежей.

Вместе с тем проводится ряд мероприятий по окончательной подготовке армий к общему наступлению. Части пополнялись, переформировывались и перегруппировывались с выделением сильных маневренных резервов. Частям 6-й и 2-й Конной армий дается приказание о наводке третьего

моста у Каховки и об устройстве переправ в Херсоне, Ново-Рогачике и Никополе.

Сроком готовности армий для перехода в наступление тов. Фрунзе определяет: для 6-й армии—24 октября, для 2-й Конной—13 и 22 октября. К началу операций Южный фронт усиливается 1-й Конной и 4-й армиями. Начало главной операции назначается на 26 октября. 24 октября тов. Фрунзе дает директиву: на 26 октября навести мост через Днепр в районе Нижний-Рогачик—Никополь и овладеть прикрывающими их плацдармами, 6-й армии—к тому же времени сосредоточить на Каховском плацдарме ударную группу не менее трех стрелковых дивизий; 4-й армии—27 октября выйти на линию Ян-Чокрак—Орехов и быть готовой к дальнейшему наступлению для овладения укрепленной позицией противника; 13-й армии—выйти главными силами на линию Орехов—Верхне-Токмак—Ногайск; 1-й Конной—сосредоточиться вблизи каховских переправ через Днепр.

РАЗГРОМ ВРАНГЕЛЯ

Группировка главных сил Врангеля была следующей: перед фронтом 6-й армии были расположены части 2-го армейского корпуса и конница Барбовича; перед 2-й Конной—1-й армейский корпус и 1-я Кубанская Кавдивизия; перед 4-й и 13-й армиями—Дроздовская дивизия и Донской корпус.

В развитие первоначальной директивы от 24 октября команд'юж тов. Фрунзе 26 октября устанавливает окончательный план операции, согласно которого армиям ставятся задачи: не допустить отхода противника в Крым, уничтожить его главные силы и стремиться на плечах противника овладеть перешейками.

Армии Южного фронта, исполняя приказ своего командующего, повели энергичное наступление, нанесли противнику ряд жестоких ударов и вынудили его к поспешному отступлению под прикрытием перекопских и юшунских позиций и Чонгарского перешейка.

Когда расстроенные остатки врангелевской армии перебрались на территорию Крыма, то перед командованием

Южного фронта стала еще более трудная и последняя задача — форсирование Перекопского и Чонгарского перешейков.

План командования сводился к открытой атаке обоих перешейков, при чем главное внимание было обращено на Перекопский, как позволяющий обойти укрепления противника по Сивашу; атаки перешейков были возложены: Перекопского—на 6-ю армию, а Чонгарского—на 4-ю; командарму 4-й была подчинена 2-я Конная армия.

Форсирование Перекопского перешейка было произведено в ночь на 9 ноября. Руководство всей операцией принял на себя команд'юж тов. Фрунзе, который находился в штабе 15-й стрелковой дивизии.

При форсировании этого перешейка наши части (15-я стр. дивизия) переправились через Сиваш на Литовский полуостров и зашли в тыл противнику. Противник очистил Турецкий вал и отошел на юшунские позиции.

10 ноября частями 51, 52 и 15-й стрелковых дивизий эти позиции были после упорного боя заняты.

В это время Чонгарский перешеек также был форсирован, и наша конница заняла ст. Джанкой.

Части противника начали стремительное отступление к побережью, в район гг. Севастополя, Ялты, Феодосии, Евпатории и Керчи, где тылы и часть штабов противника успели погрузиться на суда и уйти в Константинополь.

16 ноября наши части заняли все побережье Крыма и доблестно выполнили поставленную им задачу.

М. КАЛИНИН

ПАМЯТИ ТОВ. М. В. ФРУНЗЕ

Много жертв за последний год. Утрата тт. Нариманова, Мясникова, Владимирова, Склянского.

И, наконец, смерть Михаила Васильевича Фрунзе—исключительно тяжелый удар по Союзу Советских Республик и по его Красной армии.

Единственным утешением служит сознание, что работа тов. Фрунзе способствовала укреплению настоящей мощи Красной армии, и лучшим памятником Михаилу Васильевичу будет—растить и улучшать любимую им нашу Красную армию.

Спи, дорогой товарищ, как честно исполнивший свой долг коммунист-воин!

Живые, теснее сомкните ряды для борьбы за идеалы рабочего класса!

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

ПАМЯТИ МИЛОГО ДРУГА, БОЕВОГО ТОВАРИЩА

Друг, милый друг!.. Давно ль?.. Так ясно вспоминаю!
Агитку настрочив в один присест,
Я Врангельский тебе читаю «Манифест»:
«Ихь фанге ан. Я нашинаю».
Как над противником смеялись мы вдвоем!
—«Ихь фанге ан!... Ну до чего ж похоже!»
Ты весь сиял: «у нас среди бойцов—под'ем.
Через недели две мы «нашинаем» тоже!»—
Потом... мы на море смотрели в телескоп
—«Что? Видно врангельцев?»—«Не видно. Убежали»

Железною рукой в советские скрижали
Вписал ты «Красный Переко́п»!
И вот... нежданно-роковое
Свершилось что-то... Не пойму.
Я к мертвому лицу склоняюсь твоему
И вижу пред собой... лицо живое!
Стыдливо-целомудренный герой...
Твой образ вдохновит не одного поэта.
А я... Дрожит рука... И строк неровный строй
Срывается... И скорбных мыслей рой
Нет сил облечь в слова прощального привета!..

Н. БУХАРИН

ПАМЯТИ М. В. ФРУНЗЕ

Совсем неожиданно, точно гром с ясного неба, поразила всех нас весть о смерти товарища Фрунзе. Никто не мог ожидать такого исхода операции. И смерть вошла с какого-то заднего крыльца, подступила неслышно и задушила Михаила Васильевича своими тихими об'ятиями...

Дорогой друг! Всего несколько дней тому назад видели мы нашего бойца, который шел под операционный нож. Немного — как-то по-скромному — подбоченившись, наклонив свой поседевший мягкий «ежик», посматривая на нас своими чистыми, светлыми, почти детскими глазами, с веселой улыбкой на лице, такой мягкий, такой хороший, стоял Фрунзе и говорил о своем решении покончить с язвой желудка при помощи хирургического ножа. А теперь он уже лежит на красном помосте, который, как эшафот смерти, уносит одну жертву за другой.

Так ясно себе представляешь: только теперь—увы!—начинаем мы, широкая масса партийцев и беспартийных, оценивать ушедшего навеки так, как он того заслужил. Тов. Фрунзе, ведь, принадлежал к числу людей, которые больше делают, чем говорят, внутреннее содержание которых неизмеримо богаче того, что знают о них другие. Демьян Бедный чутьем большого художника угадал, схва-

тил и в трех словах передал характеристику Фрунзе: «Стыдливо-целомудренный герой». Вот именно! Фрунзе был крайне сдержан, почти застенчив, когда речь шла о нем самом. Этот исключительно мягкий человек, чуткий и деликатный, имел, когда нужно, железную руку. Глаза, которые лучились невинной добротой, могли метать боевые грозные приказы. Воплощенная мягкость, Фрунзе был громовым полководцем. Штатский пропагандист, агитатор подпольщик, «товарищ Арсений», он стал одним из лучших военачальников и знатоков военного дела.

Но не нам сейчас подводить все итоги прекрасной жизни товарища Фрунзе. Много будет сказано, рассказано, написано о нем, «стыдливо-целомудренном герое». Хочется только обратиться здесь ко всем, в особенности же к нашей молодежи: товарищи, поучимся у Фрунзе жить!

Рабочий класс нашей страны по праву может гордиться такими людьми. Может ими гордиться и наша партия. Будут ими гордиться и наши потомки, те, которые взойдут уверенным шагом по ступеням заложенной нами лестницы к лучшему будущему. Ибо вся жизнь Михаила Васильевича—это битва за жизнь, свободу, счастье нашего великого класса и всего человечества, которое так мучительно ищет выхода из кровавых тупиков буржуазной истории.

Помню, сидя в таганской тюрьме в эпоху злой и подлой реакции, услышал я первый раз имя «Арсения». Это была партийная кличка Фрунзе, любимца иваново-вознесенских ткачей. С какою любовью и гордостью произносилось это имя молодого тогда Фрунзе! «Свой»—так чувствовала и ощущала его рабочая масса. А молодой Фрунзе имел тогда уже за собой годы подпольной работы, иваново-вознесенскую стачку, московские декабрьские баррикады, и смертный приговор висел над его головой...

Масса всегда удивительно удачно кладет метки на своих руководителях. Фрунзе считала она именно «своим», человеком, который сросся с черными миллионами рабочих, который не выдаст, не предаст, который до конца будет стоять на своем посту. Михаил Васильевич и стоял на этом посту всю свою сознательную жизнь. Но он шел в революцию, он—с великой верой в нее—бросался в са-

мую середину исторического смерча не как «жертва за народ», не с сознанием человека, вымаливающего себе прощение у народа. Он шел в революцию, как в свою родную стихию, вместе со всем рабочим классом, в первых шеренгах нашей партии. Шел не как на заклание, а как на бой с ненавистным врагом, которого нужно смять и уничтожить. И твердо, с дней своей юности, держал Фрунзе маузер в своей руке.

Каторга, многолетняя и тяжелая, ни капли не сломила его. Она наградила его лишь хронической болезнью. Но он упорно отстаивал себя, свое здоровье, ясность духа. Он удивительно распоряжался и владел собой и даже после громадных потрясений сумел сохранить то великолепное душевное равновесие, которое бывает у исключительно мужественных людей и которое позволяет им творить чудеса храбрости. И Фрунзе развернул свои богатые качества вместе с ростом революции. Начиная с октябрьских битв на улицах Москвы, он стоял в первых рядах под обстрелом врага. В руководители Красной армии Фрунзе выдвинулся не в штабных канцеляриях: он был храбрейшим бойцом на кровавых полях сражений, он вел за собой тысячи, он умел их вести, ибо сам он горел неугасимым огнем пролетарской победы. Герой колчаковского и врангелевского фронта, боец беззаветного мужества, Фрунзе в то же время упорно, систематически, настойчиво изучал военное дело, следил зорко за иностранной наукой, пристально искал новых творческих путей. Нет, он был не ремесленником, он был художником своего дела!..

На фронтах он подвергался тысяче опасностей, бывал ранен, но все же уцелел. Не так давно его выбросило из автомобиля на быстром ходу. Но он уцелел. А вот теперь смерть все-таки догнала его и оборвала его драгоценную жизнь.

Рабочий класс потерял в нем верного своего сына, наша партия—крупного руководителя, правительство пролетарской диктатуры—одного из выдающихся своих членов, Красная армия—своего строителя, героя и начальника, все мы—ближайшего друга и товарища.

Дорогой Михаил Васильевич! Прими последнее «прости!»

РЕЧЬ НА ТРАУРНОМ ЗАСЕДАНИИ

— Центральный комитет партии большевиков и правительство Союза ССР поручили мне сказать последнее прости старому большевику, верному солдату пролетарской революции, организатору, руководителю и вождю Красной армии Михаилу Васильевичу Фрунзе.

ПЕРЕД РАСКРЫТЫМ ГРОБОМ

Стоя перед его раскрытым гробом, мы видим, что в этом гробу лежит один из лучших образцов, один из лучших представителей профессионально - революционно - пролетарского дела, один из тех, кто в продолжение десятков лет, под руководством Владимира Ильича, организовывал пролетарские силы, сплачивал их, в определенный момент призвал их к бою, не испугался первых поражений, пережил годы разрухи, поднял вновь рабочую армию, привел ее к победе и в непрестанных боях победу эту закрепил.

Жизнь Михаила Васильевича, это—история русского рабочего класса, история пролетарских восстаний, история нарастания форм борьбы пролетарской революции.

ОТ ПРОПАГАНДЫ—К ВООРУЖЕННОМУ ВОССТАНИЮ

Он начал 21 год тому назад пропагандистом и организатором небольших рабочих кружков в петербургском подполье; затем он был организатором широкого массового забастовочного движения иваново-вознесенских ткачей; вместе с ними, во главе этой громадной группы, он шел на приступ твердынь самодержавия, учил их и вместе с ними учился переходить от разрозненных стачек, от экономических забастовок к широким политическим демонстрациям, к широкой политической стачке, а от нее, от этой стачки—к вооруженному восстанию. Он принимал участие у нас в Москве на Пресненских баррикадах в декабрьские дни 1905 года.

В КАНДАЛАХ

После поражения этого первого восстания русских рабочих он снова спустился в глубины, в самую толщу пролетарских масс, вместе с ними продолжал борьбу, вместе с ними делал героические попытки задержать наступление самодержавия, и давал арьергардные бои в первой русской революции в 1907 году в том же текстильном районе. Как храбрый боец, как вождь пролетарских масс, он был взят в плен самодержавным правительством, судим и приговорен к смертной казни. В продолжение долгих недель он ожидал смерти от руки палача в царских застенках, был привлечен по второму делу о вооруженном сопротивлении рабочих полиции,—снова судим и снова приговорен к смертной казни. Случайно уцелел, ушел на каторгу.

Семь лет под звон кандальных цепей жил он в царских застенках. Жизнь его была мучением,—жил он только потому, что верил в окончательную победу рабочего класса, верил в то, что придет момент, когда двери царских темниц распадутся под мощными ударами пролетарской руки.

ПОД ЗНАМЕНАМИ СОВЕТОВ

Когда он дождался этого момента,—немедленно, без отдыха принялся опять за революционную работу. Попал на фронт, стал строить революционные организации среди армии, — в самый разгар империалистической войны, в момент, когда одурачённые трудящиеся массы шли по приказам своих командиров против рабочих и крестьян другой нации,—он медленной, систематической работой строил революционные опорные пункты в царской армии и во главе революционных солдат нанес последний удар самодержавному правительству.

После победы февральской революции тов. Фрунзе ушел с фронта опять к своим,—знавшим его, любившим его рабочим Владимирской губернии. Там он организовывает совет рабочих депутатов, становится во главе его, строя новую власть, новое государство, закладывая основы подлинной Советской власти, опирающейся на подлинное творчество революционных вооруженных пролетариев.

ОРГАНИЗАТОР И РУКОВОДИТЕЛЬ

По призыву советского правительства во главе текстильщиков тов. Фрунзе отправился на фронт. Дрался на всех фронтах, организовывая под руководством пролетариата крестьянские массы, призванные к исторической жизни. По повелению партии и власти, переходил с восточного сибирского фронта на туркестанский, оттуда—на врангелевский, на польский, защищая границы Советской власти от многочисленных врагов. Был организатором и руководителем в боях, которые войдут в историю, как самые славные страницы героической борьбы угнетенных против угнетателей. Сбросил в море последние остатки помещичьей и капиталистической контр-революции, организовал для мирного труда новые органы в самых трудных условиях сложной украинской обстановки, и, как лучший, как мужественнейший, как наиболее даровитый представитель организованной Красной армии, был призван на пост председателя Революционного Военного Совета и с честью нес эту тяжелую и трудную обязанность.

ГЕРОЙ И ТОВАРИЩ

Вот жизнь профессионального революционера, который вел пролетариат, учился у пролетариата, рос, креп и развивался вместе с тем, как рос, креп и развивался рабочий класс нашего Союза.

Его биография—биография рабочего класса. Его успехи—успехи рабочего класса. Его победы—победы рабочего класса. Только рабочий класс мог создать эту поразительную героическую фигуру, только история революции могла выковать этого славного, великого борца, который умел работать в маленьком рабочем кружке в подполье и решать кардинальные вопросы мировой революции, товарища, который был на месте и во главе совета рабочих депутатов в г. Шуе и в Исполнительном Комитете Коммунистического Интернационала.

СИЛА МАСС

Со смертью тов. Фрунзе мы стали беднее,—беднее прекрасной головой и прекрасным сердцем.

Весть о том, что Фрунзе нет с нами, наполнит радостью сердца наших врагов, возбудит их надежды. Они обманутся, конечно. Они не знают того, что революция пролетариата родит из самой себя героев и руководителей, воспитывает их и ведет вперед.

Мы стали беднее, мы стали без Фрунзе слабее, но сила рабочего класса непреодолима, сила коммунистической партии непобедима. Ход мировой истории, ведущий к победе вич, не может быть ничем изменен, не может быть ничем ви-I, не может быть ничем изменен, не может быть ничем сломлен.

ВПЕРЕД К ПОБЕДЕ

Перед открытым гробом Михаила Васильевича мы должны сказать себе, что мы сплотим свои ряды еще крепче, что мы еще дружнее возьмемся за руки, что как ни тяжек удар накануне 8-й годовщины Октябрьской революции, но перед нами длинный победоносный путь пролетариата, организатором и учителем которого он был и которому он отдал всю свою жизнь. Он завещал Красной армии, во главе которой он стоял и вместе с которой прошел весь путь длинной и героической борьбы, дальнейшую борьбу, дальнейшее строительство и дальнейшее укрепление. И перед его раскрытым гробом мы, представители Центрального Комитета, его товарищи по борьбе, мы представители советского правительства, его товарищи по власти, говорим пролетариям нашего Союза:

«Выше пролетарские знамена!»—и, обращаясь к Красной армии, говорим: «Тверже, товарищи-красноармейцы, держите винтовку в руках. Бои впереди. С памятью о вашем военачальнике тов. Фрунзе, во имя его идей и под его знаменами, пойдем через трупы к победе!».

А. КИСЕЛЕВ

ПАМЯТКА ЗЕМЛЯКА МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ФРУНЗЕ.

Из рядов старой коммунистической гвардии вырвана еще одна жизнь. Умер Михаил Васильевич Фрунзе; один из старых членов партии, прошедших суровую школу борь-

бы с царским самодержавием. Он был приговорен к смертной казни, после пересмотра замененной 10-летней каторгой со всеми последствиями—лишением прав и ссылкой в Сибирь.

С Михаилом Васильевичем я впервые встретился по возвращении из ссылки в 1905 г. на одном митинге, происходившем в Иваново-Вознесенске, за исторической рекой Талкой в лесу. Митинг, на который т. Фрунзе был направлен иваново-вознесенским партийным комитетом, был собран, главным образом, из безработных и посвящен вопросам борьбы с безработицей. Тогда он был еще молодым студентом-партийцем, жизнерадостным, бодрым и горевшим жаждой революционной борьбы. Вскоре мне пришлось с ним встречаться и работать более близко в иваново-вознесенском партийном комитете.

Михаил Васильевич тогда поражал всех рабочих, встречавшихся с ним, своей обаятельностью. Он был редкостным человеком: необыкновенная чуткость, мягкость, человечный подход к каждому товарищу и беспредельная преданность партии,—вот свойства покойного. Революционный вихрь 1905 года так захватил тов. Фрунзе, что он не раз принимал на себя первые удары жандармерии и полиции.

Помню один случай, когда Михаила Васильевича арестовали казаки, избили его нагайками, потом привязали веревками за шею, всячески издевались над ним, затем, избивая плетьми, заставили его лезть на забор, и, когда он залез, они с такой силой сдернули его с забора, что при падении он вывихнул себе ноги и следы этого оставались у него даже до последнего времени, и еще нынешним летом мне пришлось быть свидетелем того, как при одном неудачном повороте, у него произошел вывих ноги. Следы издевательства, пыток и членовредительства царских слуг самодержавия оставались у него до самой смерти.

Михаил Васильевич был так тесно спаян с рабочим классом Иваново-Вознесенского района, что в трудные, голодные годы, когда он посетил Иваново-Вознесенск, помимо выступлений на фабриках и заводах, он обходил дома и квартиры рабочих и крестьян и справлялся об их положении, выслушивал их нужды и всевозможные жалобы и заявления.

Помню, как однажды после посещения Иваново-Вознесенского района тов. Фрунзе в Центральном Комитете партии поставил вопрос о необходимости принятия необходимых мер для улучшения экономического положения рабочих этого района, что и было сделано.

В 1907 году Михаил Васильевич, как один из активнейших партийцев и организаторов боевых дружин, приговаривается к смертной казни, которая была заменена 10-летней каторгой. В 1914 г., после отбытия каторги, ссылается на поселение в Сибирь, позднее бежит из Сибири и живет в России нелегально. После февральской революции тов. Фрунзе снова потянуло в Иваново-Вознесенск, где он отдал свои лучшие молодые годы на революционную борьбу. Михаил Васильевич, помимо партийной советской работы, избирается членом уездной земской управы. Когда началась Октябрьская революция и когда происходили московские бои, он со свойственной ему энергией ринулся в эти горячие бои. Из Иваново-Вознесенского района он отправляется во главе отряда на помощь Москве; он участвует в боях против белогвардейских офицеров и выбивает их из Метрополя. После победоносно закончившейся революционной борьбы в Москве Михаил Васильевич возвращается в Иваново-Вознесенск, где работает, кроме советской и партийной, также и по военной линии в качестве губернского комиссара.

Вспыхнувшая гражданская война потянула Михаила Васильевича опять на фронт, и мы его видим опять во главе отрядов иваново-вознесенских рабочих, отправлявшихся на колчаковский фронт. Позднее он становится главой Реввоенсовета южной группы войск, где нередко лично руководит войсками в наиболее опасных местах. Во время наступления и взятия Уфы Михаил Васильевич был во главе частей вместе с иваново-вознесенскими рабочими. С ликвидацией колчаковского фронта он отправляется на Южный фронт, где его назначают наркомом Красной армии Украины. При наступлении поляков Михаил Васильевич опять лично руководит решающей борьбой против Врангеля, после которой белые войска окончательно ликвидируются. Последняя успешная работа тов. Фрунзе на фронтах, тот опыт, который он приобрел раньше, энергия,

преданность, знание своего дела способствовали назначению его на высокий и ответственный пост председателя Реввоенсовета, т.-е. руководителя Красной армии СССР.

Но десятки лет энергичной, героической борьбы, каторги и ссылки подорвали здоровье тов. Фрунзе и нанесли ему непоправимый удар. В последнее время Михаилу Васильевичу все сильнее и сильнее давали себя чувствовать приобретенные за годы революционной борьбы болезни и требовали спешной операции; ослабевший организм не мог оказать должного сопротивления,—он не выдержал и сдал.

А. ЕНУКИДЗЕ

СМЕРТОНОСНЫЙ ГОД

1925 год беспощадно вырывает из наших рядов лучших борцов пролетарской революции.

Вчера, рано утром, умер тов. Фрунзе, человек твердый, закаленный в борьбе, прошедший сквозь строй труднейших испытаний. Он прошел все ступени подпольной революционной работы. Он неоднократно сидел в тюрьмах, неоднократно подвергался побоям.

Его дважды приговаривали к смерти, его годами держали на каторге. Ничто не могло сломить энергию Михаила Васильевича. Он был необыкновенно смел, верен, стоек, бесстрашно боролся в первых рядах нашей партии.

Тов. Фрунзе принадлежал к лучшему поколению РКП(б), и на него партия заслуженно возлагала самую ответственную, самую трудную работу.

Во время смертельной, героической борьбы Советской власти против врагов революции особенно отличался тов. Фрунзе. Он провел целые годы на самых опасных фронтах. Он смело шел в бой и вел за собой ряды Красной армии на всех фронтах.

На его долю выпала великая честь быть победителем на Перекопе.

Его не могла сломить тяжелая борьба при старом строе, он устоял против всех гонений, он неоднократно усколь-

зал от неминуемой, казалось, смерти, он умел смотреть ей прямо в глаза. Его щадила судьба на радость всем нам, но тюрьма и каторга не прошли даром для его здоровья. Нажитая на каторге болезнь скосила его.

Он умер... Но умер, окруженный заботой, любовью как близких друзей, так и людей науки.

Смерть тихо унесла его — бесстрашного, крепкого, полного энергии.

Ничто не могло его спасти, и мы, его близкие друзья, бессильно стояли около него, без протеста и сопротивления уступили его смерти.

Прощай, дорогой друг, Миша! Всегда будем тебя помнить и ставить в пример молодым нашим товарищам.

А. ВОРОНСКИЙ

ТОВ. ФРУНЗЕ [1])

(Арсений).

Фрунзе, Арсений, Михаил...

Его хорошо знают рабочие, крестьяне, красноармейцы, граждане Иваново-Вознесенского промышленного края. Его хорошо знают не только по нашим мятежным дням. Его помнят по тем годам, что уходят уже в область давно минувшего.

В январе 1907 года на одной из окраин гор. Шуи группа подпольных революционеров-большевиков встретила случайно урядника Перлова, преданную полицейскую ищейку по части истребления врагов внутренних.

Кто-то из группы заметил, что хорошо бы снять урядника и еще что-то в этом роде. Тогда другой припал на колено, вынул маузер и выстрелил. Пуля пролетела мимо. Урядник быстро оправился и, в свою очередь, тоже открыл стрельбу. У того, кто стрелял в урядника, застрял патрон в маузере, отвечать было нельзя, пришлось убраться. Стрелявший носил кличку Арсения. Он был молодым студентом. У него были лучистые глаза и он прихрамывал

---

[1]) Этот очерк написан т. А. Воронским в 1920 г., в связи с разгромом Врангеля красными войсками под руководством тов. Фрунзе.

на одну ногу, потому что в 1905 году его с версту тащили на аркане пьяные, озверевшие казаки во время погрома.

Выстрел в урядника едва ли был строго обдуманным действием. Тем более, что стрелявший отнюдь не был террористом, а принадлежал к социал-демократам большевикам и участвовал в массовой политической работе.

24 марта 1907 года в одной из конспиративных квартир г. Шуи был арестован один из тех, кого так долго искали жандармы и полиция. Его арестовали с двумя маузерами в руках: он хотел отстреливаться, но не решился на это, так как в доме были дети и посторонние. Его звали Арсением, но это была кличка: его настоящая фамилия была Михаил Фрунзе...

Кем был молодой подпольный работник для шуйских рабочих, об этом можно судить по следующему. Весть об аресте Арсения облетела почти мгновенно весь город. Фабрики остановились. Рабочие прекратили работу, подошли большой толпой к тюрьме и потребовали освобождения Арсения. Перепуганному исправнику только хитростью и лживыми обещаниями удалось уговорить толпу и экстренно потом направить Арсения во Владимир. Картина отправки была интересная. Целая рота солдат сверкала холодом стали штыков. Ряд за рядом мерно колыхались серые шеренги. Они сопровождали одного единственного человека—Михаила Фрунзе. Это стоило почетного караула.

Через несколько месяцев случайно, во время одного из судебных процессов, урядник Перлов, в качестве свидетеля, встретился с Арсением—тоже своеобразным свидетелем—на суде и тут же заявил, что это тот, кто в него стрелял. Показание записали. Фрунзе пред'явили смертную статью. Фрунзе сидел в тюрьме и усердно продолжал заниматься изучением итальянского языка и синдикалистского движения.

...Был суд, был вынесен смертный приговор. Уроки итальянского языка кончились, но начались занятия по изучению, кажется, английского. Кто знает, может быть, скоро придется побывать в Англии и Италии. Стоит ли молодому пытливому студенту побывать в Италии и в Англии? Еще бы, очень и очень стоит...

...Приговор кассировали. Отмену опротестовали. Снова—смертная статья, снова суд. Как старался урядник! По свидетельству В. Г. Короленко («Русское Богатство», 1910 г., № 10, стр. 134), он доставлял одного из свидетелей лично на свой счет из Шуи во Владимир и лично приводил его к прокурору владимирского суда. Великий был ревнитель по истреблению крамольников!..

...Судили... Снова—смертная казнь через повешение...

Приговор опять отменили... Отмену опротестовали... А время все шло да шло. Так прошло не меньше двух лет. Два года товарищи по заключению смотрели на молодую крепкую шею, два года взор невольно приковывался к ней, и мерещилась мертвая, удавная, гнусная петля вокруг нее—два года... И два года предполагалось, что в Англию и в Италию съездить нужно.

Но без языков, какая же, в самом деле, поездка? И разве не предусмотрительно поступают люди, когда они предварительно перед поездкой изучают языки?!.

Есть два сорта смертников: на одних безмерно тяжко смотреть; в отношении к другим испытываешь более сложное чувство: к чувству боли примешивается гордое сознание: они сумеют умереть. Фрунзе принадлежал к последним.

Дело кончилось каторгой. Шесть лет пришлось просидеть во владимирском централе. В мертвящей, сырой, мрачной, изуверской обстановке Михаил будил мысль товарищей, не давал зачахнуть живым чувствам, вносил успокоение в раздраженную, нервно-напряженную атмосферу безрадостно-тяжких тюремных дней...

...В эти дни в каторжных тюрьмах процветали порки и самые наглые издевательства над политическими каторжанами. Одно время начальником владимирского централа был Гудима. Употребляя выражение Гюго, человек с лицом трупа и душой дьявола. Отвратительный, жирный мясник с лоснящейся дряблой кожей, гнилым дыханьем и глазами спрута, помесь рассвирепевшего обывателя с иезуитом и палачом... Особенно сильным у него было желание подвергнуть телесному надругательству т. Фрунзе... Когда тюрьму посещала какая-нибудь важная правительственная особа, она неизменно спрашивала:

— Гм... Скажите, у вас, кажется, содержится М. Фрунзе? .

Особу проводили в камеру, и она с любопытством созерцала и обозревала...

...Когда между политическими арестантами происходили столкновения, ссоры, дрязги—обращались к т. Михаилу...

...И такого человека ни разу не высечь, не положить на козлы!.. Хоть раз!.. Пусть не думает о себе!

Но даже этот мясник, помесь обывателя, иезуита и палача,—не нашел подходящего случая... А искал он его одно время упорно и настойчиво... Случай не представился.

Годы тюрьмы, ссылка на поселение. Нелегальная работа в Сибири, попытка нового ареста, бегство, нелегальная жизнь...

...Отыскался след Тараса...

В далеких приволжских степях длинными боевыми колоннами растянулась уфимская дивизия черного адмирала. Они были уверены в себе. Они шли на Москву. Это были лучшие части, надежда и опора опытного царедворца. Навстречу им, по ту сторону боевой линии, вагоны выбрасывали молодые, неокрепшие части новой армии. Среди новых солдат мелькали шапки—шлемы с большими красными звездами, так похожие на шлемы варягов и древних васнецовских богатырей. Они были из голодного рабочего края. К ним присоединили рабочих Поволжья. Они пришли из страны, окруженной огромным огненным кольцом, из страны, которая, казалось, задыхалась в этих смертоносных холодных об'ятиях... Сейчас они сойдутся в последней мертвой схватке... Они сошлись: уфимская дивизия разбита. Слава молодой армии! Но не забудем ее командующего т. Фрунзе, ибо он никогда не был в военных штабах и академиях, но показал себя отличным красным полководцем!..

...Уже под Уфой мелькают шлемы с красными звездами. Черный адмирал бросает последнюю гирю на чашу военных весов: идут полки Каппеля...

...— Идут каппелевцы!.. Полки Каппеля не знают поражения... Полки Каппеля идут на Москву: на их вагонах написано: Курган—Уфа—Москва—...С ними самые опытные военные специалисты старой армии...

Опять бой. Каппелевцы разбиты...

Эпизод из боя... Полк со шлемами и красными звездами переправился через реку. Противник засыпал снарядами... Его цепи все сильней и смелей делают перебежки. Люди в шлемах растерялись... Вот дрогнула одна цепь, растаяла другая...

— Товарищи, сюда! Ни шагу назад! За мной! Вперед! Командующий с вами!

Прихрамывая, бежит впереди человек с винтовкой в руках.

— Вперед! Вперед!..

Командир дивизии, беззаветно отважный Чапаев, кричит:

— Тов. командующий! Уйдите отсюда! Здесь вам не место!

— Вперед! За мной! Я принимаю командование полком!

— Тов. командующий, здесь я командир дивизии, вы не имеете права распоряжаться моими частями!..

Падает снаряд... Контузия...

Нет, не всегда двухлетнее сидение в качестве смертника, не всегда 6 лет каторги и долгих скитаний—не всегда они, к счастью и гордости человечества, способны выточить лучистую энергию из глаз, потушить их свежий блеск, лишить человека отваги,—не всегда они делают человека бескрылым и вялым, бесхребетным и тусклым. Честь и хвала человечеству и той партии, в рядах которой бьются такие люди!

В оренбургских степях, благодаря умелому командованию молодого красного полководца и осторожной тактичности, сдается в плен шестидесятитысячная казацкая сила.

Оказывается, он умеет не только побеждать врага в открытом бою, но и заставлять сдавать оружие, избегая кровопролития; это—особое умение.

В уральских степях т. Фрунзе громит армию генерала Толстого, талантливого и умного черносотенца.

...В далеком Туркестане под руководством т. Фрунзе очищается Каспий...

Да простят мне дипломаты; думается, что блестящие действия бухарских революционеров, закончившиеся изгнанием эмира, не обошлись без участия красного полководца.

...Военная операция на Южном фронте против Врангеля проводится т. Фрунзе с замечательной стремительностью и отвагой. Взятие Перекопа и Сиваша—одна из самых блестящих страниц в истории нашей революции. Над укреплениями перешейка трудились опытные французские инженеры. Тов. Каменев, об'ехавший южный фронт накануне наступления, по возвращении в Москву, на вопрос о возможности взятия Перекопа и Сиваша, дал неопределенный ответ. Стеклов в передовой выразил по этому поводу в сущности довольно робкую надежду.

Но красная лава уже затопила Крымский полуостров.

Марксист, террорист, агитатор, человек подполья—командующий фронтом.

Разве не правда, что этот человек—с горячим сердцем юноши, личным мужеством террориста и недюжинным умом.

...Но как он сделался стратегом и полководцем?

Конечно, он не сидел сложа руки, а учился, читал, брал уроки у старых специалистов, проверял свои шаги, но, в конце концов, кто проследит сложный, таинственный и извилистый путь, каким в чудеснейшей в мире лаборатории, именуемой мозгом, из босяка делается знаменитый художник, а из подпольного агитатора—полководец—законная гордость новой армии? Кто знает?..

Тов. Михаил умел сплачивать вокруг себя и подбирать людей. Это знают все, кто с ним работал. Его победы—победы крупного организатора. Его любят товарищи, уважают специалисты. Он «умеет ладить». Он подчиняет себе силой своего личного обаяния, его слова просты, но им подчиняются лучше, чем властным приказам.

Ему подчиняются в силу личного обаяния, но не только поэтому.

Один знакомый как-то заметил в беседе:

— Тов. Фрунзе очень мягкий человек.

Но другой, просидевший с ним во владимирском централе, ответил:

— Вы его не знаете! Он мягок, правда, в личных отношениях, но вы еще не знаете, какой он кремневый человек внутри. У него огромная сила воли и твердое сердце.

Это—похоже на правду. Ему подчиняются еще и потому, что чувствуют это крепкое сердце и твердую волю.

Не знаю, какую, но какую-то и значительную роль в том, что он сделался талантливейшим красным полководцем—играет то обстоятельство, что в свободные моменты он готов с увлечением возиться с оружием: чистить, собирать, разбирать... В эти минуты он похож на ребенка, который возится с игрушками.

Л. Н. Толстой разделял людей на два разряда: на тех, у кого преобладает мужской склад, и тех, у кого преобладает женский. У первых, по его мнению, поступки вытекают из деятельности мысли и определяются ею; у вторых—деятельность направлена на достижение целей, поставленных чувством, или на оправдание поступков, вызванных чувством.

Думается, что т. Фрунзе не принадлежит ни к тем, ни к другим: у него мысли не оправдывают чувств и поступков, ибо он внутренне правдив; но и не давят, не насилуют чувств, не делают их послушными, молчаливыми илотами разума. Есть люди синтеза, у кого и мысль и чувство уже теперь—в наш дисгармонический век—достигли относительно высокой гармонии.

Таков, мне кажется, Фрунзе...

Мы, большевики, изумительно расточительны. Посмотрите на наших соперников и врагов. Как тщательно они собирают и охраняют в памяти все, достойное примечания. С какой любовью зарисованы Каляев, Балмашев, Гершуни, не говоря уже о кадетских деятелях... Мы безумно расточительны. Но разве в лице т. Фрунзе—не менее крупная фигура, чем Каляев, Гершуни и др.; смотрите, какое богатство красок в этом человеке. Агитатор, марксист, террорист, смертник, командующий, с винтовкой в руках ложащийся в цепь рядом с бойцами!..

Нет, это следует отмечать, хотя бы уже потому, чтобы лишний раз сказать про партию революционного пролетариата: вопреки всем кровопускательствам союзников и тягчайшим условиям, есть еще порох в пороховницах.

Тов. Фрунзе кровными узами связан с Иваново-Вознесенским краем и в прошлом и в настоящем. Отмечая

сго выдающиеся качества и заслуги, мы относим их прежде всего за счет красного ткача нашей губернии, ибо вместе с ним они бились в Поволжье, под Уфой, Оренбургом, на Урале, у Каспия и в Крыму.

УНШЛИХТ

ПАМЯТИ ДРУГА И ТОВАРИЩА

Не могу, не хочу верить... Так больно и так страшно... Еще четыре дня тому назад я был у Михаила Васильевича в лечебнице. Около двух часов мы беседовали на самые разнообразные темы, по самым животрепещущим вопросам: о мерах поднятия боеспособности нашей армии, о росте революционного движения на Востоке. Михаил Васильевич чувствовал себя бодро, верил, что через несколько недель вернется с новыми силами к работе. Он несколько раз напоминал мне о необходимости подобрать весь материал о маневрах, о терстроительстве.

Мы крепко расцеловались на прощание. У меня ни на минуту не было сомнения в его быстром выздоровлении.

Сегодня, в 5 час. утра, мне позвонили, что состояние здоровья Михаила Васильевича значительно ухудшилось, что не исключена возможность катастрофы. Прибыв, я застал уже труп. В 5 час. 40 минут он уснул навеки. Те же самые дорогие, спокойные черты лица. Кажется, только заснул...

За два года совместной работы я хорошо изучил Михаила Васильевича.

Всегда один и тот же—дорогой, близкий, кристально чистый; доподлинный революционер-большевик, партиец.

Он был из тех немногих, которым чужда была зависть, мелочность.

Он всегда внимательно прислушивался к голосу других.

Никогда, ни минуты не упрямился, если убеждался в своей неправоте.

Ему чужда была казенщина, бюрократизм.

Он был товарищем и другом!

На высоком ответственном посту руководителя и вдохновителя нашей Красной армии он оставался таким же

простым, непосредственным, как и в свои молодые годы в рядах подпольной большевистской партии.

Таких людей среди нас мало, таких людей становится все меньше—редеют ряды старой большевистской гвардии.

Он любил военное дело, он им увлекался, как увлекался всем, что служило делу защиты рабоче-крестьянского государства, что приближало день нашей окончательной победы.

Он проложил новые пути строительства Красной армии, своей энергией, настойчивостью, силой аргументации он добился для терчастей подобающего места в системе вооруженных сил революции.

Как искренне радовался Михаил Васильевич, каким блеском горели его ласковые глаза, когда он слушал доклады об успехах в области терстроительства.

Его решительная борьба против расхлябанности, за революционную дисциплину всколыхнула всю армию и дала блестящие результаты.

Сколько времени и внимания уделял он вопросам военизации страны! Он наметил широкий план военизации и приступил к его осуществлению.

Михаил Васильевич имел крупное военное образование. Получил он его не в школе, не в академии, а путем самообразования в бессонные ночи.

В области партийной он был одним из лучших, талантливейших учеников Владимира Ильича.

Всесторонне богато одаренная натура погибла безвременно.

Тяжелый, непоправимый удар для партии, для Советской власти, для Красной армии.

Михаил Васильевич еще в царское время был самым преданным подпольным работником большевистской организации. Он был всегда готов жертвовать своей жизнью. Несмотря на смертные приговоры, на долгие годы каторги, тюрьмы и ссылки—он остался цел, невредим и полон революционного энтузиазма.

В период острой гражданской войны тов. Фрунзе занимает самые ответственные командные посты. Всегда на боевых позициях, под градом пуль, воодушевляя слабых и колеблющихся.

Сотни и сотни раз жизнь Михаила Васильевича была в смертельной опасности. Он ни разу не дрогнул; он вел Красную армию от одной победы к другой; воевал на всех фронтах на страх всем белым армиям.

И в эти тяжелые годы он оставался цел и невредим!

Временную передышку использовал он для полной реорганизации Красной армии, работая с тем же энтузиазмом, с той же верой в успех, как и на фронте.

Неожиданно для нас всех мужественное сердце Михаила Васильевича перестало биться.

Дорогой Михаил Васильевич, дорогой и любимый друг и товарищ!

Нам еще не верится, что ты уже не в живых, что ты выбыл из рядов неустрашимых борцов за коммунизм, что ты — первый красный командир рабоче-крестьянской Красной армии, покинул нас навсегда!

И. СТЕПАНОВ

ПАМЯТИ „ТОВАРИЩА АРСЕНИЯ“

В 1907 году московская организация нашей партии и партия вообще еще не знали товарища Фрунзе. Но зато они хорошо знали «товарища Арсения». Он, в то время 22-летний юноша, студент питерского технического училища, дал незабываемый образец того, как большевистская партия совершает отступление.

Тов. Фрунзе работал тогда в Иваново-Вознесенско-Шуйском районе. В этом районе, в особенности же в Шуе, с преобладанием мелких фабрик и с полудеревенскими рабочими, условия работы были тяжелые. Но «тов. Арсений» нашел подход к массам. Дороговизна жизни росла, безработица и работа неполное число часов усиливали ее удары.

Для меньшевиков это было основанием развернуть пропаганду за потребительские общества, в которые они звали за собою массы укрыться от политической борьбы. Для большевиков это было основанием воззвать массы к величайшей политической активности.

О товарище Арсении уже тогда слагались легенды. Но кто знает его жизнь, тот признает, что не легенды рассказывались о нем, что легенда творилась его действительной жизнью.

Юноша-студент был выдающийся пропагандист. Как истинный большевик, он через рабочих-полукрестьян нашел путь к крестьянину. Бывали дни—это в 1907 году, когда контр-революция, казалось, уже торжествовала победу и только вымещала свой страх на захваченных ею в плен, бывали дни, когда Шуя слушала только приказы тов. Арсения.

В неурочное время вдруг раздавались гудки и звонки на фабриках. Машины останавливались. Рабочие толпами выходили из ворот. Они уже знали, что это значит. Это значит, что т. Арсений сейчас придет на городскую площадь и будет говорить перед многотысячной толпой.

Это было в 1907 году. Двумя годами раньше, армия стала делаться ненадежной для самодержавия. Но с того времени оно, казалось бы, успело достаточно сделать для ее подчинения.

Тем не менее шуйские власти были бессильны что-нибудь поделать с этим дерзновенным агитатором, который, взобравшись на бочку, выкаченную на середину площади, держал свои речи почти под самыми окнами полицейского управления. Несколько солдат, попавших на эти митинги, почувствовали, что серая шинель на них прикрывает, но не уничтожает крестьянина. В армейских частях, расположенных в Шуе, началось разложение. Власти были вынуждены отдать строжайший приказ: при появлении «тов. Арсения» в Шуе, запирать солдат в казармы и решительнейшим образом воспретить им приближаться к городской площади, когда на ней говорит «тов. Арсений».

Я попал в Шую через три—четыре месяца после ареста Арсения-Фрунзе. Мне рассказывали, что сначала был случай (или случаи?), когда местные команды были выведены на площадь, чтобы схватить Арсения. Но их настроение и настроение многотысячной толпы рабочих было таково, что эти команды только увеличивали число слушателей.

Это еще больше усилило популярность тов. Арсения. И характерная черточка для полукрестьянской Шуи того

времени: среди рабочих начали с глубокой убежденностью говорить, что этот агитатор—сын то ли губернатора, то ли министра, порвавший со своей эксплоататорской семьей и средой и отдавшийся делу борьбы за народ.

В Иваново-Вознесенск и Шую перевели крупные и «надежные» для самодержавия войсковые части, нагнали множество жандармов и шпиков, проследили, где скрывается грозный агитатор,—и забрали его ночью, незаметно для масс, не чаявших в нем души. В местной тюрьме его не оставили: не без оснований опасались, что рабочие сделают попытку освободить своего беззаветно преданного им борца.

Не помню, в этот ли раз, при другом ли, более раннем аресте «тов. Арсения» подвергли жестоким избиениям. Его привязали за ноги к седлу верховой лошади и пустили ее вскачь...

Я никогда не забуду одной прогулки с тов. Фрунзе по подмосковным лесам. Это было темною весеннею ночью 1921 года. Фрунзе часто отставал от других участников прогулки и что-то делал то с одним, то с другим коленом. Оказалось, что это—последствие истязаний: коленные чашки выходили из своего места, и Фрунзе на ходу должен был вправлять их.

Его во что бы то ни стало хотели приговорить к 'ви-селице. Обвиняли в попытке сопротивления жандармам, в стрельбе по жандармам. Много-много месяцев Фрунзе был на положении смертника. Уже подумывал отравиться. Я еще теперь помню, по рассказам его защитников, какое впечатление производил он на них своей стойкостью и беззаветной преданностью делу революции.

Несколько человек смертников из одной тюрьмы с Фрунзе уже выводили на виселицу. Тов. Фрунзе много-много месяцев ожидал: скрипнет дверь, поведут и его. Это тоже был особый способ пытки или казни.

Его «помиловали» на каторгу.

Здесь здоровью этого могучего по сложению человека был нанесен новый удар. Каторжная тюрьма—так каторжные работы. Фрунзе заставили носить на спине 8-пудовые тюки (с хлопком или пенькой) на пятый или шестой этаж каторжной тюрьмы. Он справлялся с этой работой. Но один раз в спине что-то хрустнуло, в глазах потемнело, он бессильно

опустился на месте. А когда пришел в себя, он уже не мог бы поднять и легкого тюка...

Трудно рассказывать о тех подвигах, которые совершал Фрунзе в эпоху гражданской войны. Трудно рассказывать в особенности тем, кто слышал простые рассказы о пережитом из его уст. Ему чужда была всякая рисовка, всякая поза. Даже слово «герой» фальшиво звучит по отношению к милому, дорогому, бесконечно простому Мише.

Слово «герой» невольно связывается с таким представлением, что человек идет на опасности по внутреннему принуждению. А Фрунзе шел просто потому, что шел.

Если сказать про него, что его влекло к авантюрам, это тоже будет неправда: слишком хорошая, уравновешенная нервная система была у него для того, чтобы его влекло к авантюрам.

У нас не знают, у нас слишком мало рассказывали о том, какие эпические подвиги совершал Фрунзе под Перекопом, в борьбе с махновскими бандами. По партийной линии ему был выговор за то, что он рискует собою так, как не имел права рисковать. Но все понимали, что он с двумя—тремя провожатыми отправился в разведку не потому, что хотел риска, а просто потому, что захотел поехать в разведку. И ему, вышедшему из разведки с простреленной шинелью, с боком, разодранным пулей, ему, вышедшему из разведки только потому, что это был несравненный стрелок, хладнокровный воин и бесподобный кавалерист, вновь был дан орден Красного Знамени.

Скоро ли найдется художник, который сумеет пересказать всю жизнь Фрунзе так же просто, как о ней рассказывал сам Миша? А это был бы рассказ, который имел бы для нашей молодежи бесконечно большее воспитательное значение, чем все надуманные рассказы.

«Покрытый лаврами». Да, Фрунзе покрыл себя лаврами, как еще очень немногие. Но когда я в самых различных условиях наблюдал его, я не мог отделаться от мысли: да ведь в нем до сих пор сохранился студент. Может быть, тюрьма, которая надолго оторвала его от всякой иной среды, законсервировала в нем студенческие повадки. В наркомвоене не умирал тот студент—простой, отзывчивый, милый, непритязательный, с самыми скромными «студенче-

скими» потребностями,—каким он был вначале своего революционного пути.

Все близко знавшие его потеряли в нем бесконечно дорогого, милого, бесценного Мишу.

Партия потеряла в нем,—хотя ему было всего 40 лет,—своего старого ветерана.

Красная армия потеряла одного из славных в рядах своих славных борцов.

ЗАТОНСКИЙ

РЕШИТЕЛЬНОСТЬ И ТВЕРДОСТЬ

Трудно собраться с мыслями и говорить о смерти, когда три дня назад, накануне роковой операции, я сам видел его бодрым, полным энергии и планов на будущее. Еще в среду он принимал доклады (правда, лежа в лечебнице и готовясь к операции), давал руководящие директивы по военному строительству, живо интересуясь вопросами международной политики. А в субботу—короткая телеграмма о смерти вождя Красной армии.

Как-то не подходит слово «вождь» к этому небольшого роста скромнейшему человеку с детскими голубыми глазами. Не был он оратором, трибуном, не было в нем ни капли героических жестов, позы. Более того, не было в нем никаких внешних признаков твердости и решительности. Вместе с тем, как-то случалось всегда, что с этим скромным, с виду мягким человеком считались, к нему прислушивались, ему верили и шли за ним. Он умел настаивать на своем, умел вести за собой. Твердость т. Фрунзе не была показной, но зато она была неподдельной.

Это была твердость подлинного ленинца,—твердость его решений вытекала из твердого марксистского анализа, да еще из веры в силы рабочего класса, веры в массу. Внешне чуждый героизму, Фрунзе именно потому становился подлинным вождем на практике, что он умел понимать рабоче-крестьянские массы, а понимал оттого, что любил эти массы, оттого, что никогда, нигде эти массы не были для него только пьедесталом, только средством, хотя бы для великих целей.

Из массы характерных для этой крупной политической фигуры штрихов встает в памяти сейчас особенно ярко его отношение к системе военного строительства. Этот отлично знавший военное дело человек был главным инициатором перехода на территориальную систему. Когда некоторые товарищи указывали ему на то что территориальная система ставит нас в слишком большую зависимость от настроения крестьянства, Фрунзе всегда горячо, твердо возражал:

— Да, территориальная система покоится на полном доверии к массам, в том числе крестьянским, а если не верить мужику, не верить в прочность союза с ним, тогда вообще все социалистическое строительство — игра в бирюльки.

В. ЧУБАРЬ

НЕ ТОЛЬКО ВОИН, НО И СТРОИТЕЛЬ

В лице Михаила Васильевича мы потеряли одного из строителей и руководителей коммунистической партии, организатора многих побед Красной армии, активнейшего строителя Советской власти.

Работая на Украине, Михаил Васильевич не только вел рабоче-крестьянские полки против Врангеля, не только строил армию для отражения империалистических нападений. Он строил советскую Украину, строил Союз Советских Социалистических Республик. Михаил Васильевич чутко относился к национальным вопросам, и во всей своей работе твердо проводил национальную политику коммунистической партии и Советской власти.

Смерть вырвала из наших рядов крупнейшего деятеля революционной эпохи, который со всей энергией строил новую жизнь во всех областях.

Работая заместителем председателя Совнаркома Украины, тов. Фрунзе всего себя отдавал делу рабочих и крестьян, как и всюду, на всякой работе, на которую его посылала партия.

Потеря тяжела. Но партия и рабоче-крестьянские массы должны ее восполнить новым сплочением своих

рядов, новым выдвижением преданных революции борцов и строителей новой жизни.

Пусть заслуги тов. Фрунзе будут образцом для подрастающего поколения. На опыте его жизни и борьбы будем воспитывать новые поколения.

Ряды старой гвардии редеют. Смерть уносит одного за другим испытанных и выдержанных в борьбе товарищей. Создадим же достойную смену.

Л. ТРОЦКИЙ

ТЕЛЕГРАММА ТОВ. ТРОЦКОГО ЦК ПАРТИИ

Потрясен до глубины души вестью о кончине героического борца революции, беззаветного солдата партии, бессмертного военноначальника Красной армии Михаила Васильевича Фрунзе. Какая жестокая брешь в первой шеренге партии! Какой страшный удар к 8-ой годовщине Октября!

31 октября 1925 г.

БУДЕННЫЙ

ЕГО УЖ НЕТ...

31 октября наша партия, а с ней и вся советская страна лишились одного из лучших и отважных борцов за революцию, за дело рабочих и крестьян—Михаила Васильевича Фрунзе. Красная армия вместе с партией и всей страной лишилась своего вождя, друга, лучшего из лучших товарищей и неустрашимейшего бойца. Смерть М. В. Фрунзе—тяжелейшая утрата для всех,—о ней трудно говорить...

Впервые я увидел Михаила Васильевича в 1917 году в г. Минске, после февральской революции, когда он был членом фронтового комитета и одновременно начальником гражданской милиции. Уже тогда, видя его выступающим на митинге, можно было узнать будущего вождя. И он действительно вырос в подлинного вождя. Стоит только вспомнить про те боевые операции, которые проведены под непосредственным руководством Михаила Васильевича, чтобы представить себе всю величину его фигуры!

Об этом человеке напишут целые томы; сейчас же, когда еще каждый слышит его звучный и отчетливый голос, непреклонный тон,—сейчас можно только с глубокою болью в душе сказать несколько слов.

На фронтах его часто можно было видеть впереди войск,—оттого и войска, которыми он командовал, почти всегда значительно уступая в силе противнику, все-таки не знали поражений, а шли вперед и вперед,—до полной победы. Они твердо помнили, что ими командует неустрашимый герой революции, их любимый Фрунзе, который каплю за каплей отдаст свою кровь, лишь бы жила революция. Это он доказал долгой и упорной подпольной работой, каторгой, тюрьмами, нелегальной жизнью и страшными многолетними лишениями.

Когда писали о тов. Фрунзе, его характеризовали, как исконного революционера-большевика, марксиста, в гражданскую войну из ряда вон выходящего по своим способностям тактика и стратега, лучшего рядового бойца с винтовкой в руках. Но еще немногие знают его как администратора. Этот человек совмещал в себе все то, что необходимо красному полководцу. Вступив на пост сначала зампреда РВС СССР, а затем и председателя, он с присущей ему кипучей энергией приступил к строительству всех вооруженных сил СССР, внося в их организации и структуру изменения и дополнения, которые диктовались жизнью; необходимость этих изменений и дополнений он чувствовал уже давно, и только пост председателя Реввоенсовета Союза дал ему возможность провести в жизнь давно назревший план.

С неутомимой энергией он шаг за шагом осуществлял этот план, и в результате Красная армия прошла целый ряд полезных реорганизационных стадий. Мне еще хочется отметить, что Михаил Васильевич был красным кавалеристом в доподлинном смысле этого слова. В нем в частности и красная конница потеряла своего лучшего друга и знатока кавалерийского дела. Вместе с тем у него не было разграничений между родами войск: он всех одинаково любил и ценил, руководствуясь исключительно пользой для Советского Союза, необходимостью сплочения в единый организм мощной и непобедимой Красной армии.

Михаила Васильевича еще мало знают, как друга и товарища. В личной жизни это был необыкновенно мягкий, любезный и хороший человек, положительно чаровавший всех, кто видел его хотя бы только один раз. Он при встрече не ограничится деловым расспросом, он тут же не преминет настойчиво спросить, как здоровье, и категорически потребует говорить ему только правду. Если только он замечал, что человек скрывает что-нибудь от него, он немедленно настаивал на том, чтобы это выяснить, и категорически требовал отдыха.

О себе только он забывал, забывал, что его силы не безграничны, что и он—человек. Не погибший в боях, не поддавшийся пулям и снарядам наших классовых врагов, вынеся несколько тяжелых ранений и контузий, Михаил Васильевич все-таки надорвал свое здоровье непрерывной работой уже в мирное время и не перенес тяжелой болезни.

Тяжело для партии, для страны, для армии, вдвойне тяжело для знавших его близких людей и товарищей.

Несомненно, наши отечественные и иностранные враги, которым Михаил Васильевич не внушал ничего, кроме ужаса, теперь с злорадством торжествуют. Но мы, убитые горем, надев траур, не предадимся отчаянию, а, наоборот, все, как один, еще крепче сожмем в руках винтовку и шашку и доведем до конца начинания твердого проводника заветов Ленина—Михаила Васильевича Фрунзе!

Спи же, боевой соратник и лучший товарищ, спи и знай, что и после тебя Красная армия будет надежным стражем октябрьских завоеваний!

Преданный соратник и друг Семен Буденный.

Л. ПОЛЯРНЫЙ

ПЕРЕКОП

(Отрывок из воспоминаний)

I

Строгановка—маленькая рыбацкая деревушка на берегу Сиваша.

Утром в деревушку прибыла группа кавалеристов, пришла телеграфная рота, радиобатальоны и еще какие-то части.

Кавалеристы остановились около ветхой хаты, на самом берегу моря, заняли единственную комнату, развесили на стенах большие карты...

Деревушку быстро окутали черной паутиной проводов. Они тянулись на север, запад и восток. На самом берегу установили радиоприемник, от него шли провода все в ту же маленькую хатенку.

Население с любопытством и тревогой следило за этой лихорадочной суетой. Около радиоприемника целый день толкались мальчишки, строили догадки, как это можно говорить через такую штуку.

В хате между тем происходило историческое совещание. Собрались все командующие армиями, под руководством тов. Фрунзе, обсуждали план предстоящего штурма.

— Штурмовать хорошо защищенные природные укрепления незначительными силами — дело безнадежное, — говорил медленно старый генштабист.

Ему возражал молодой коллега, только недавно покинувший скамьи красного генштаба. Он доказывал обратное.

Лицо старого генштабиста слегка передернуло.

— Горячность этой молодежи убьет все,—думал он и мысленно перебирал все исторические примеры от Ганнибала до Гинденбурга включительно. Он поседел над военной наукой, и вдруг...

Конечно, он глубоко предан Красной армии, он разделит ее судьбу. Он сам выпустит последнюю очередь из пулемета и, если его не пристрелят, последнюю пулю пустит себе в лоб, рука не дрогнет... Но это не выход, не этому учит стратегия.

Командующий приказал взять твердыни штурмом. На минуту воцарилась гробовая тишина. Все смотрели на командующего. На его серьезное и спокойное лицо.

Командующие армиями раз'ехались.

Через час аппараты Морзе лихорадочно выстукивали: «Команд'юж [1]) приказал частям 6 армии не позднее 8 ноября переправиться через Сиваш...»

[1]) Командующий Южным фронтом тов. Фрунзе.

И по проводам бежали приказания на север, восток и запад... Вечером хата освещалась большими лампами, и всю ночь сновали люди.

* * *

Десятки тысяч лучших сынов республики на берегах Сиваша и Гнилого моря праздновали 3-ю годовщину октябрьских побед.

Всю ночь рокотали неприятельские пушки особенно сердито, выплевывая раскаленный металл на северный берег. Они как бы поздравляли красных бойцов с наступающим праздником.

К утру угомонились пушки, стало тихо. Зловеще тихо. В ушах продолжал шуметь дьявольский рев, люди ходили как оглушенные.

Утром получили приказ о наступлении. Начались последние приготовления.

Разговаривали мало, больше делали. Стягивались последние части. Прибывали вновь сформированные ударные коммунистические отряды. Приводили в боевую готовность огневую бригаду.

Это они первые ринутся на штурм Крымского Вердена.

К вечеру на мгновение рассеялись тучи, заходящее солнце бросало на мертвые берега Сиваша свои последние кроваво-красные лучи.

На Перекопе уже начались демонстративные вылазки, и противник снова открыл огонь вдоль всего фронта. Опять загрохотали все триста пушек на белом берегу.

За деревушкой выстроилась бригада. Она первая шла в бой. Командир приветствовал полки, поздравлял с праздником, звал бойцов к новым победам.

— Товарищи, это последняя битва.

Грозно рокочущие пушки тоже кричали о последней битве.

— Мы должны победить или умереть. Середины нет. Кто из вас готов умереть за республику, поднимите руки.

Поднялись тысячи рук.

II

Когда ночь черным пологом покрыла берега, и Сиваш затянулся непроницаемой серой пеленой, на берегу выстраивались полки. Они сегодня должны победить мертвые воды Гнилого моря.

Батарен белых беспрерывно рокотали. Перекопские твердыни купались в переливающихся цветных огнях.

Ровно в 12 ночи десятки оркестров загремели «Интернационал». Полки погрузились в черные, холодные воды Сиваша...

Люди в воде растянулись длинной цепью, в непроницаемой мгле пробирались по броду в тыл Перекопу.

В инструкции о переправе рекомендовалось обходить синеющие места воды, как места глубокие, зеленеющие места,—где топь... Непроницаемый молочный туман, ни зги не видно. Изредка раздавались отдельные пронзительные вскрики, и все опять затихало...

Броды мельчали. Передовые части уже выходили в грязь, перестраивались, двигались цепями...

Попрежнему кругом ревели пушки, впереди была та же непроницаемая мгла, ноги вязли в топкой грязи.

Двигались осторожно, стараясь не делать ни малейшего шума.

Но вот впереди замелькали огни. Это сигнальные ракеты. Неприятель всполошился. Вспыхивали яркие лучи света—прожекторы. Но и эти властелины тьмы были бессильны пронзить сплошной туман...

Наступающие цепи притаились.

На берегу затрещали пулеметы, отдельные орудийные выстрелы, потом вдруг все кругом загрохотало. Мертвое море и туманный берег ожили. Стало совсем светло.

Плотной стеной ринулись к берегу красные части.

III

Радиоприемник принял депешу с белого берега: «После упорного боя части 15 и 52 дивизии заняли Литовский полуостров и, развивая успех, двигаются дальше».

Уже всю ночь и целый день шли кровопролитные бои по всему фронту. Части 51 дивизии начали наступать на Перекопский вал и с боем продвигались вперед.

После первых успехов, с Литовского полуострова начали поступать плохие вести... Противник сильно напирает. Потери отдельных частей доходят до 80 проц.

Начался прилив. Броды в Сиваше потерялись, перебравшиеся части были отрезаны от тыла. Белые этого только и ждали, и против изолированной группы храбрецов они ввели в действие конницу Барбовича, лучшую конницу Врангеля.

Изнуренные красные части, упорно сопротивляясь, начали отходить к морю.

«Три конные атаки отбиты... Немедленно дайте помощь... Нового удара не выдержим...»

Слушая доклад начальника штаба, тов. Фрунзе мрачно смотрел на карту, утыканную флажками. Мертвая карта под его взглядом оживлялась. Он видел холмы, курганы, леса, берег, море. Видел загнанных к морю людей, и видел, как они с ожесточением сопротивляются. Все эти разноцветные флажки имели свое значение.

Вот эти три красных флажка,—это 30 тысяч человек, командующий их переставил ближе к Перекопу...

«Изнуренные части уже не выдерживают»,—передало радио с того берега.

— Республика требует жертв... Вы должны удержаться во что бы то ни стало... Помощь будет оказана...—гласил ответ.

И горсточка храбрецов, прижатая к морю, продолжала отчаянно сопротивляться...

Тов. Фрунзе долго и сосредоточенно что-то чертил большим красным карандашом по карте.

В комнате стояла гробовая тишина.

А там, на перешейках, неугомонно рокотали пушки. Командующий приказал начать ночной штурм Перекопа.

IV

В комнате штаба находились начальник штаба и его молодой помощник.

— Вы понимаете, что будет, если мы будем разбиты... Вы знаете, где будет фронт?—Начштаба указал рукой на карте далеко за Харьковом.

— Двинем резервы,—начал его коллега.

— Дорогой мой! Весь наш резерв—это курсантская дивизия. Я не сомневаюсь, они все лягут до единого, но это не спасет положения.

— Мы поднимем тыл. Весь ЧОН (части особого назначения), коммунистов, рабочих.

Начальник штаба глубоко вздохнул, вынул часы.

— Это будет уже поздно!—бросил он.

Часы показывали без пяти минут двенадцать.

Через пять минут начинается решительный штурм.

Тов. Фрунзе один стоял на берегу моря, устремив свой взгляд вправо,—туда, где буйствовал смертоносный огонь.

К командующему под'ехал начальник фронтового резерва за последними директивами.

— Не забудьте, что вам вверили красу и гордость Красной армии. В тяжелую минуту курсантская дивизия наш решающий козырь.

— Товарищ командующий, республика может нами располагать до последнего удара сердца.

Командующий крепко пожал начдиву руку, тот пришпорил коня и исчез во тьме ночи.

Ровно в 12 часов ринулась огневая бригада на штурм неприступного Перекопа. Шли стойко, смело под градом пуль и смертоносного металла. Первая линия проволочных заграждений быстро наполнилась трупами. Но за павшими шли все новые и новые цепи.

В 1 ч. 40 минут по телефону сообщили:

«Первая атака с большими потерями отбита».

Начальник штаба нервно прикусил губу.

И снова свежие части шли в битву.

Начдив курсантской под'ехал к своим частям, которые его ждали в боевом порядке. Люди прислушивались к огненной драме, все знали, что идет последняя битва, а они здесь как бы посторонние зрители. Это взвинчивало и так уже нервное настроение.

— Почему мы бездействуем, товарищ начальник?—нервничали красноармейцы.

— Спокойствие, товарищи!—успокаивал начальник.

В 2 час. 50 мин. в штаб снова сообщили о том, что вторая атака отбита. На мгновение стало тихо.

Начальник штаба переставил флажки, руки его чуть заметно дрожали. Дрожала рука, которая переставляла уже сотни и тысячи таких флажков, зная, что каждое движение — это тысячи людей. Сегодня эта рука дрожала.

— Начать третью атаку! Приготовить курсантскую к бою!—приказал т. Фрунзе.

Через несколько минут курсантская дивизия двинулась к Перекопу.

Части 51 дивизии и огневой бригады ринулись на новый штурм, прорвались уже через три ряда проволоки. Передовые цепи залегли перед самым Турецким валом, готовясь к последнему удару.

Михаил Васильевич опять стоял на берегу и прислушивался к жуткой канонаде. В этом адском концерте он старался уловить каждую нотку и разгадать, о чем она говорит. Вот огонь вспыхнул с особой силой. Это говорило о том, что части снова пошли в атаку.

Вдруг в пулеметной и ружейной трескотне получился перебой... замешательство. Но артиллерия грохотала по-прежнему.

«В 3 час. 50 мин. части 51 дивизии и огневой бригады прорвали Перекопский вал», -кричал голос в мембране.

— Части прорвали Перекопский вал!—повторил дежурный.

— Повторите!—кричал начальник штаба, вытирая платком крупные капли пота.

— Прорвали Перекоп... В прорыв пущена конница...

Начштаба грузно рухнулся на стул, лицо его было бледно, он с трудом протянул руку своему молодому коллеге и крепко пожал ему руку.

Н. СОЛЛОГУБ

СЕРДЦЕ ФРУНЗЕ

Не стало Михаила Васильевича,—больно, тяжело узнать об этом...

Его сердце, то сердце, которое билось только для революции, только для ее победы,—не выдержало операции.

И не мудрено,—сердце не могло быть свежим...

Окружное комиссарство в Ярославском военном округе, Туркестан, взятие Крыма, борьба с украинским бандитизмом, чрезвычайное посольство в Турцию, наконец, громадная постоянная работа по организации всех вооруженных сил Союза и по их подготовке.

Его сердце не знало отдыха,—бессонные ночи в штабах сменялись поездками по фронту, заботы о снабжении войск—борьбой с бандитизмом, повседневная работа командования—работой государственной важности в высших советских и партийных учреждениях.

Сердце подсказывало Михаилу Васильевичу обращение с людьми; оно же подсказало ему, бывшему в ореоле военной славы, броситься лично на махновскую банду, и оно же, сердце, сделало то, что весь Советский Союз знал товарища Фрунзе.

У него не было врагов, ни один человек не ушел от него без доброго слова напутствия.

Громадная власть, величайшее влияние, всеобщее уважение,—все это окружало Михаила Васильевича, но не сделало его сердце гордым, он остался прежде всего самим собою—Михаилом Васильевичем, товарищем Фрунзе.

Он всюду хотел побеждать, и побеждал,—победа сопутствовала Михаилу Васильевичу; он победил царизм, завоевал Октябрь, побеждал на Востоке, на Юге, в Крыму, на Украине. И только не мог победить свою болезнь,—он добровольно, не вынужденно пошел на операцию, но не рассчитал сил своего сердца.

Велика, огромна наша печаль, и лишь воспоминания о нем, о его беззаветной любви, преданности партии, революции, Советам, о его ясном, твердом уме и непреклонной воле к победе помогут нам пережить спокойно эти грустные дни.

С. КАМЕНЕВ

УШЕЛ НАВСЕГДА

Ушел, ушел навсегда.

Наши пути впервые с ним встретились на Восточном фронте. Тяжелая боевая дорога предстояла впереди. Надо

было разбить Колчака, Колчака, бывшего в то время победителем. Михаил Васильевич приехал из Иваново-Вознесенска, с иваново-вознесенским отрядом в Самару, на самый тяжелый и ответственный перекресток боевых дорог. Ему была вручена задача главного удара для разгрома. Этот удар, руководимый Михаилом Васильевичем, был первой решительной победой Красной армии.

Такой же перекресток боевых дорог сплелся полтора года спустя под Каховкой на Врангелевском фронте, и на этом перекрестке удар был вручен также Михаилу Васильевичу.

Тут была последняя решительная победа Красной армии, тут была поставлена точка над историей гражданской войны.

Он ушел, оставив нам, революционным бойцам, примеры боевых победных ударов. Примеры возьмем за основу нашего воспитания и подготовки и по ним же оценим глубину понесенной Красной армией утраты.

ГАЙ

КРАСНОАРМЕЕЦ-ВОЖДЬ

(Светлой памяти тов. Фрунзе)

Умер М. В. Фрунзе...

Умер один из талантливейших вождей Красной армии, ее любимый руководитель и организатор.

Красная армия и наша партия потеряли в лице тов. Фрунзе активнейшего пионера старой, испытанной ленинской гвардии.

Закаленные в горниле классовой борьбы, стальные ряды ленинской гвардии редеют, и в общей фаланге этой гвардии вождь Красной армии тов. Фрунзе имел свое заслуженное место...

Я знал тов. Фрунзе с декабря 1918 г. Советская власть переживала тогда трудные дни. Колчак неудержимой лавиной наступал на Самару. Восточная контр-революция готовилась пышно праздновать свою победу.

Мы все, старые революционные командиры, порою теряли веру в себя и не знали, что предпринять. И вот тов.

Фрунзе был назначен командующим 4 армии, а немного позднее—командующим южной армейской группой Восточного фронта, в состав которой входила и вверенная мне 1 революционная армия. Со дня его приезда материальные и моральные силы Красной армии южной группы поднялись, и мы под его умелым руководством нанесли решительные, смертельные удары Колчаку. С нашим передвижением на Урал Востфронт разделился на два направления: сибирское и туркестанское, и тов. Фрунзе во главе войск Туркфронта очистил окончательно Туркестан от белых.

В тов. Фрунзе поражали его природный военный талант и организаторские способности. Не имея специального военного образования, но вооруженный ленинизмом, он благодаря колоссальной общей эрудиции всегда правильно учитывал военную обстановку и принимал верное решение.

Он был уверен в силах народных масс и всегда умел предугадывать результат нравственного под'ема Красной армии.

Он умел личным примером создавать воодушевление и под'ем в рядах армии.

Мне вспоминается его знаменитая радиотелеграмма Колчаку в наиболее трудный для нас момент, когда Самара находилась непосредственно под ударом колчаковских войск. Тов. Фрунзе, уверенный в своих силах, об'явил: «Я, красный генерал Фрунзе, об'являю Колчаку, что ему Самары не видать, как не видать своих ушей»...

И действительно Колчак так и не увидел не только Самары, но и Волги.

Его любила,—мало любить,—его обожала Красная армия Восточного фронта. Он пользовался колоссальным авторитетом и доверием тогда еще мало организованной Красной армии. Природа одарила тов. Фрунзе громадным умом, гигантской волей, личным мужеством с той редкой простотой, которая свойственна только вождям человеческих масс. Где бы он ни был, -в рядах ли наступающих цепей с винтовкой в руке, на мосту ли через реку Белую, под Уфой (там он был ранен), или в кабинете наркомвоенмора в Москве,—он всегда оставался простым, пленял, одушевлял и вызывал энтузиазм среди своих подчиненных.

Необычайная чуткость к запросам масс позволяла ему правильно оценить нужды момента и дать соответствующее направление организаторской воле.

Красная армия потеряла самого примерного, самого умелого красноармейца-вождя.

А. АНДЕРС

М. В. ФРУНЗЕ—ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ ПОСОЛ

Многогранное дарование тов. Фрунзе, его кипучая деятельность не ограничивалась одной военной работой.

Осенью 1921 года, когда молодая Турецкая республика напрягала последние силы в неравной борьбе за свое свободное существование, когда Константинополь был занят отрядами Антанты, а греки, обильно снабженные той же Антантой могущественной техникой, подходили к самому сердцу Новой Турции, Ангоре,—нами было снаряжено чрезвычайное посольство в Турцию во главе с Михаилом Васильевичем Фрунзе.

Трудный путь пришлось преодолеть посольству по бурному Черному морю (ноябрь) и первобытным грунтовым дорогам Малой Азии.

Но по мере нашего продвижения он превращался в триумфальное шествие товарища Фрунзе.

Начиная с Трапезунда, пошла молва, что приехал «русский паша», который всем доступен, который запросто говорит с «простым народом», и в каждом не только городе, но селении и деревушке все, от мала до велика, с энтузиазмом приветствовали Михаила Васильевича и сбегались толпами слушать его речь.

А он им говорил, что Советская Россия—друг угнетенных народов, что мечты о Дарданеллах и водружении креста на св. Софии нам так же чужды, как вся политика царской России, и что мечты эти погибли вместе с царизмом и не воскреснут никогда.

С Мустафой-Кемаль-пашей тов. Фрунзе с первых же дней сумел установить не только так называемые хорошие дипломатические отношения, но они стали личными друзьями.

Всем известно, что перелом в военном счастье турок совпал с визитом Михаила Васильевича. Они вышли победителями из войны. А дружба с Турецкой республикой, в установлении которой сыграл крупнейшую роль тов. Фрунзе, стала одной из традиций нашей дипломатии.

В те дни, когда все трудящиеся и честные граждане Союза оплакивают незаменимую утрату, кончину одного из популярнейших своих вождей, можно с уверенностью сказать, что и за рубежом есть страна, где имя Фрунзе так же популярно и где наша скорбь разделяется.

А. ЕГОРОВ

НЕВОЗВРАТИМАЯ, ТЯЖЕЛАЯ УТРАТА

Это событие, как гром среди ясного дня, поразило всех трудящихся нашего Советского Союза и всего мира. Нет слов, чтобы выразить великую скорбь и глубокую печаль о столь безвременной кончине одного из лучших борцов за дело пролетарской революции, стойкого и мужественного воина Красной армии, положившего столько труда и энергии на укрепление рядов нашей партии и Красной армии.

Это известие глубоко поразит сердца всех бойцов Красной армии, тем более, что о самой болезни мало кто знал даже среди высшего и старшего командного и политического состава армии.

В конце сентября я видел Михаила Васильевича в Крыму, где он отдыхал, и там, даже разговаривая о болезни и лечении, он был весел, он шутливо относился к состоянию своего здоровья и к возможным перспективам лечения. Его бодрый и живой характер, его неутомимая энергия не давали ему возможности спокойно заниматься лечением, а влекли его все время к активной работе.

В Москве, уже в период нахождения его в Кремлевской больнице, я два раза был у него. В последний раз я был у него 27 октября. Здесь так же, как и в Крыму, несмотря на установленный для него твердый медицинский режим, он все же продолжал вести руководство Красной армией. В последнюю мою встречу с ним он выражал некоторую нервозность, но, повидимому, это нужно об'яснить пред-

стоявшей операцией. Как всегда спокойный, как всегда глубоко анализируя каждый вопрос, он давал те или иные указания товарищам, обращавшимся к нему по делам службы. Когда я уходил от него в последнюю встречу, 27 октября, мы расстались с великой надеждой, что в ближайшем будущем он вернется вновь, полный новых сил для выполнения своей трудной и ответственной задачи — руководства жизнью и учобой Красной армии.

Но, увы! Суровая судьба унесла его из наших рядов. Тяжело, и бесконечно тяжело.

Сейчас нет возможности более подробно остановиться на том, какую большую утрату мы понесли в лице Михаила Васильевича. Надо собраться с мыслями и в следующий раз дать подробнейшее освещение его личности, всей проделанной им работы и значения этой работы в общем процессе революционной борьбы, во всем деле строительства советской власти, в том числе и в строительстве нашей Красной армии.

Светлая память герою, борцу, одному из лучших солдат и командиров нашей армии!

А. ВЕРХОВСКИЙ

ОДИН ИЗ ЛУЧШИХ БОЙЦОВ

Из рядов Красной армии ушел один из лучших, сильных, ярких бойцов. Еще в подполье, далеко глядя вперед и видя в будущем новую, светлую жизнь, он неустанно боролся со старым миром.

С первых дней гражданской войны он работал по организации Красной армии. Сначала мы видим его в тылу, где он организует части и посылает их на фронт. Но тыловая работа ему была не по душе. Он должен был выйти на театр военных действий, куда молодая республика советов выделяла все, что могла, для борьбы с нараставшими силами реакции. В эти первые дни Красная армия была слаба и неорганизована. Создание армии требовало громадной работы, где управление боем шло рядом с орга-

низацией вооруженной силы. И во всех областях работы мы видели т. Фрунзе в первых рядах.

Волна рабоче-крестьянской молодежи, бросившаяся на неприятеля, нуждалась прежде всего в том, чтобы ее бурные толпы восстания обратить в планомерно сражающиеся армии. Сломав дисциплину старого строя, революция должна была выковать свою новую дисциплину. И здесь товарищ Фрунзе, которого масса любила и которому она верила, выступал как политический вождь, руководя, формируя, направляя работу политического аппарата армии. Воодушевленный оратор на митинге, передовой боец с винтовкой в руках, он крепил в массах революционную волю к победе и строил новую дисциплину.

Армии был нужен командный состав. Нужно было отобрать людей, способных к командованию, организовать и направить их. Путиловский, сормовский рабочий, партизан-крестьянин, революционный солдат старой армии, выделявшиеся своей преданностью революции, энергией, твердостью в борьбе и здравым смыслом, выдвигались им из рядов и ставились им на командные места.

Он понимал эту новую силу, которую выковывала революция, и умело руководил созданием командного состава Красной армии.

Так же умело, с таким же тонким чутьем и организаторским талантом подошел товарищ Фрунзе к тому контингенту старого офицерства, которое вошло в Красную армию. Он увидел в их среде людей, отчаявшихся в старом и видевших единственное спасение родной страны в полном разрыве со старым, в защите рабоче-крестьянской страны, своего нового социалистического отечества. Тов. Фрунзе сумел использовать их организационный опыт, технические знания, приобретенные в горниле мировой войны, а порой все их силы и самую жизнь на службу делу революции.

Талантливый организатор соединил в себе качества выдающегося полководца. На Восточном фронте, а потом на юге, в борьбе с Врангелем, он сумел охватить широкую стратегическую обстановку и направить удар в таком месте и так организованный, чтобы в кратчайший срок с наименьшей затратой сил и средств уничтожить противника.

Он сразу понял значение Каховской переправы, висевшей над флангом и тылом Врангеля. Он подтянул туда не только крупные силы пехоты и артиллерии, но и конную армию, брошенную им с переходом в наступление на тыл неприятеля. Белые армии Врангеля вышли из-под этого удара настолько потрясенные, что нужен был еще только один удар на Перекопе для того, чтобы окончательно уничтожить и довести их до полного разложения.

С переходом на мирное строительство снова разворачивается его громадный организаторский талант. Нужно было армию восстания, создавшуюся в пламени гражданской войны, полную веры в свое дело, активности, самодеятельности, но бедную техникой, организационными навыками, развернуть в такую вооруженную силу, которая могла бы состязаться с наиболее сильными армиями капиталистических государств. Силою тов. Фрунзе было то, что он умел сразу верно направить работу. Он наметил и проводил план постепенного усиления техники средствами; одновременно он смело указывал армии ее недостатки, ее неподготовленность владеть тем оружием, которое ей давалось, и требовал настойчивой учобы, настойчивой работы над самоусовершенствованием. Группировал, поддерживал научных работников армии, направлял их работу на усовершенствование методов подготовки Красной армии.

Большой работник, он оценил громадное политическое значение милиционной системы в нашей конкретной действительности, он не побоялся, что переход к этой системе временно ослабит нас, пока весь армейский и советский аппарат не овладеет этим новым приемом военной организации масс; он видел, что милиционная армия Советского Союза, в той классовой борьбе, которая развернется на фоне будущих войн народов, будет в столкновении с армиями Европы таким же грозным молотом, каким были армии всеобщей воинской повинности французской революции в борьбе с блестяще подготовленными и технически организованными армиями королевской Европы.

С тяжелым чувством незаменимой утраты мы провожаем в могилу одного из лучших бойцов, воплощавшего в себе лучшие стороны Красной армии. Мы верим, что воспоминание о нем придаст бодрости старым бойцам, вме-

сте с ним работавшим и в боевой и в организационной работе; память о нем воодушевит и входящую в ряды армии молодежь к напряженной работе за то великое дело, которому были отданы вся жизнь и все силы т. Фрунзе.

Р. ЭЙДЕМАН

БОЕВИК-ЛЕНИНЕЦ

Еще слишком остро реагирует чувство на неожиданное, страшное известие о смерти, чтобы писать и говорить спокойно о тов. Фрунзе. Еще нет слов, способных достаточно ярко и отчетливо поднять во весь рост образ павшего боевика-большевика, смертника, каторжанина, исключительного, несравненного вождя молодой армии, вошедшего в ее историю. Еще противится сознание, не хочет мириться с мыслью, что нет его.

Всего 39 лет жизни, но какая исключительно яркая жизнь настоящего революционера, настоящего большевика-ленинца!

О тов. Фрунзе, как о партийце-подпольнике, которого не сломили два смертных приговора, каторжная тюрьма, тяжелые условия подполья, расскажут те, кто его знал в этот период лучше и ближе, чем наше поколение Октября.

Я буду говорить о Фрунзе, как о полководце, вернее, как о полководце-человеке. Его деятельность, как организатора и боевого руководителя Красной армии, конечно, не может быть изложена в краткой заметке: она теснейшим образом переплетена со всей героической эпохой нашей гражданской войны, со всей боевой героической жизнью Красной армии.

Такие операции, как освобождение Туркестана, разгром Колчака весною 1919 года (маневры южной группы т. Фрунзе), ликвидация Врангеля, Перекоп, ликвидация Махно,— каждая в отдельности настолько значительны по своим историческим последствиям, что их оценка, даже поверхностная не может уместиться в краткой газетной заметке. Наконец, о военной стороне этих операций и роли в них тов. Фрунзе кое-что уже сказано историками нашей молодой

армии. Еще и поэтому я хотел бы сказать несколько слов о тов. Фрунзе не только как руководителе и организаторе Красной армии, ее побед, но и как о человеке.

С тов. Фрунзе я впервые близко в работе столкнулся в 1920 году, когда он приехал на Южный фронт и об'единил в своих руках борьбу с Врангелем и украинским бандитизмом, в частности, с Махно. Это были тяжелые дни, когда у ворот Донецкого бассейна, в угле которого так нуждалась страна, шли тяжелые, изнурительные бои Врангеля с Красной армией, а в тылу, авансируемый и поддерживаемый внешними врагами, развивался бандитизм. Измученная 3-летней борьбой армия, казалось, истекала кровью и, как говорят военные, «теряла сердце». Тов. Фрунзе прибыл в наиболее трудные сентябрьские дни, совпавшие с возросшей активностью, как впоследствии оказалось, последней ставкой Врангеля. Он принес с собой не только опыт одного из наиболее талантливых боевых руководителей Красной армии, но и несокрушимую веру в успех своего дела, в которой, я не скрою, нуждались мы все. Я припоминаю, каким решительным переломным аккордом в эти тяжелые дни докатился до армии его первый приказ: «Врангель должен быть разгромлен, и это сделают армии Южного фронта». Тов. Фрунзе в эти дни неутомим, весь в горении, весь в величайшем напряжении воли: то он на фронте, то—в штабе; неутомимый, уверенный, сеющий вокруг себя такую же уверенность. У него была исключительная работоспособность, поражавшая всех, заставлявшая всех равняться по нему. В 4—5 часов утра его ежедневно можно было застать в штабе за оперативной работой, шаг за шагом подготовляющим разгром последнего оплота контр-революции—Врангеля.

Вслед за ликвидацией Врангеля—напряженная борьба с остатками контр-революции, пытавшимися отыграться при помощи новой вспышки бандитизма. Наибольших усилий потребовала ликвидация Махно.

Я не знаю, известно ли широким кругам партии и армии, не говоря уже о стране, что во время этой борьбы тов. Фрунзе едва ли не стал жертвой своей удали и настойчивости боевика-большевика. Я бы сказал, что т. Фрунзе вошел в историю нашей борьбы не только как талантли-

вый командующий, но как командующий-боевик, командующий с винтовкой в руках.

Этот случай, о котором я хочу поделиться, произошел в Полтавской губернии летом 1921 г., под с. Решетиловкой.

Тов. Фрунзе в это время, недовольный затяжкой ликвидации Махно, принял непосредственное руководство операцией. Его штаб в поезде стоял недалеко от села Решетиловки, где ожидались бои с Махно и должны были находиться наши части. Но оказалось налицо одно из печальных явлений, все же имевших иногда место в боевой обстановке: наши части не прибыли, запоздали по небрежности их руководителей. Не зная об этом и желая проверить, исполнено ли его распоряжение, и лично наблюдать за боем, тов. Фрунзе выезжает в Решетиловку с двумя ординарцами. Спокойно в'езжает в село, предполагая, что движение войск, замеченное им, принадлежит нашим частям. В селе т. Фрунзе встречается с конным отрядом в 50 человек, в котором происходит некоторое замешательство. Затем краткий диалог. «Кто вы?»—спрашивает Фрунзе.—«А кто вы?» Т. Фрунзе приказывает под'ехать командиру. На тов. Фрунзе наводятся винтовки... «Стойте, не стреляйте, это командующий товарищ Фрунзе!»—кричит, растерянный, один из сопровождавших его, не веря еще, что отряд принадлежит махновцам; и тут же, кажется, падает убитым. Начинаются бешеная погоня и обстрел тов. Фрунзе, которого, отстреливающегося, уносит от верной смерти его конь. (Кстати, тов. Фрунзе умел дорожить и своим боевым другом—конем). Махновцы отстают, но двое из них вот-вот настигают тов. Фрунзе. И надо было уметь сохранить хладнокровие боевика-большевика, чтобы для верного выстрела слезть с лошади, прицелиться, уложить одного из настигающих, а другого обратить в бегство. А в тот же день я видел Фрунзе, получившего два ранения во время этой стычки, не потрясенного, спокойно работающего в его вагоне-штабе, отдающего распоряжения о дальнейшей борьбе.

Надо ли еще распространяться, что этот пример, с первого взгляда как-будто лишь говорящий об излишнем риске, оказался необходимым в той обстановке некоторой расхлябанности и неустойчивости и сказался решающим

образом на поднятии боевой дисциплины, выдержке войск и на ликвидации Махно, последовавшей, примерно, месяца два спустя после этого случая.

Таков тов. Фрунзе, боевик-командующий, весь волевой, не теряющийся в тягчайшей обстановке. Но с этими данными, необходимыми для вождя, т. Фрунзе сумел сочетать в себе чуткость и отзывчивость товарища. Я его видел неоднократно в казармах, в поле, в боевой и мирной обстановке беседующего с красноармейцами и видел, как умел согревать и ободрять тов. Фрунзе, как тепло лучились его глаза, и как лучились в ответ ему глаза тех, с кем он разговаривал. Красноармеец и командир чувствовали, что их любит вождь, и любили в свою очередь вождя.

Наконец, несколько слов о тов. Фрунзе, как об общественнике и в частности как об одном из активных руководителей военно-научного общества. Если у нас сейчас поднялись из недр самой армии целые пласты новых работников, то в том большая доля заслуги тов. Фрунзе, так бережно и любовно взращивающего все здоровое и способное к росту в нашей Красной армии.

Я сказал слишком мало... Слишком мало для того, чтобы восстановить образ этого исключительного боевика-ленинца, боевика-командующего. Еще нет, как я сказал, достаточных слов, еще трудно под тяжестью известия о смерти найти необходимые слова. Но тов. Фрунзе, его образ, уже живет в рядах армии, и назначение этих строк—только подчеркнуть, что это именно так...

Ушел человек, неутомимо боровшийся за дело рабочих и крестьян. Ушел твердокаменный большевик-ленинец. Ушел накануне 5-летней годовщины взятия Перекопа, которую вся армия надеялась отпраздновать вместе с ним... Мы склоняем свои головы над его телом в тяжком раздумьи для того, чтобы снова поднять их в твердом сознании, что наша армия сегодня крепче, чем она была год тому назад,—до того, когда во главе ее стал тов. Фрунзе. Лучшим венком на могиле боевика-ленинца, командующего-революционера должно быть наше общее сознание, что наша армия сейчас крепка в ленинском понимании своих задач и в готовности защитить дело Октября, в служении которому сгорел Михаил Васильевич.

Д. ФУРМАНОВ

С ВИНТОВКОЙ ВПЕРЕДИ [1])

Решительность, хладнокровие, самоотверженность—отличительные черты тов. Фрунзе.

Работа в подполье, николаевские тюрьмы, каторга—его жизненный путь.

В революционной борьбе и работе выковался дух тов. Фрунзе, дух победы и натиска.

И когда пролетариат взял власть в свои руки, т. Фрунзе становится командиром Красной армии.

В октябрьские дни тов. Фрунзе командует Иваново-Шуйским районом. На Восточном фронте, когда Колчак наступает и подходит к Казани, тов. Фрунзе становится во главе 4-й армии. И с тех пор эта армия не имела поражений.

Только раз один из полков дрогнул... Силен был враг, меток его огонь, и полк колебался... Но явился т. Фрунзе.

С новым порывом бросился полк вперед, и белые бежали...

1920 год, Врангель протягивает кровавую лапу на Донбасс. Командование над южным фронтом принимает тов. Фрунзе.

В первом же приказе по фронту пишется: «Врангель должен быть разбит и будет разбит...»

А за приказом последовали перекопские и сивашские бои... Сам командующий был впереди. Крым был взят.

Неприятель, отброшенный кверху, оправился и повел наступление на Иваново-Вознесенский полк. Было уже часов 7—8 утра. Пока стояли в Турбаслаке и отстреливались от демонстративных атак, пока гнали сюда за поселок неприятеля, ивановцы расстреляли все патроны и теперь оставались почти с пустыми руками, без надежды на скорый подвоз, помня приказ Еланя (комбрига), командовавшего всей группой: «Не отступать, помни, что в резерве только штыки». И вот, когда вместо демонстративных атак неприятель повел широкое, настоящее наступление, дрогнули цепи, не выдержали бойцы, попятились. Теперь полком командовал Буров. Комиссаром у него был Никита

---

[1]) Отрывок из повести «Чапаев».

Лапарь. Они скачут по флангам, кричат, чтобы остановились отступающие, быстро-быстро об'ясняют, что бежать все равно некуда—позади река, перевозить нельзя, что надо встать, закрепиться, надо принять атаку. И дрогнувшие было бойцы задержались, перестали отступать.

В это время к цепям подскакало несколько всадников, они поспрыгивали на землю: это—Фрунзе, с ним начальник политотдела армии Траллин, несколько близких людей... Он с винтовкой забежал вперед:

— Ура, товарищи! Вперед!

Все те, что были близко, его узнали. С быстротой молнии весть промчалась по цепям. Бойцов охватил энтузиазм, они с бешенством бросились вперед. Момент был исключительный... Редко-редко стреляли, патронов было мало; неслись со штыками на лавины наступающего неприятеля. И так была велика сила героического под'ема, что дрогнули теперь цепи врагов, повернулись, побежали... Елань, посылая своих ординарцев, велел им быть неотлучными около Фрунзе и наказал: если убьют, то во что бы то ни стало вынести из огня и сюда на переправу, к пароходу.

Перелом был совершен, положение восстановлено. Фрунзе оставил полк и поехал к другому полку. Взбирались на холмики, на пригорки, осматривали местность, совещались, как лучше развивать операцию, вновь и вновь разучивали карту, всматривались пристально в каждую точку, сравнивали с тем, что видели здесь на самом деле.

Как раз в это время показались колонны неприятельских полков. Они с севера нависали ударами мимо иваново-вознесенцев в центр группы, готовой к наступлению. Фрунзе хотел участвовать в этой схватке, но Елань упросил, чтобы он ехал к переправе и ускорил переброску полков другой дивизии. Согласились, что это будет лучше, и Фрунзе поскакал к переправе.

Вскоре под ним убило лошадь и самого жестоко контузило разорвавшимся поблизости снарядом. Но и будучи контужен, он не оставил там заботы, на берегу подгонял, помогал советом, переправил туда часть артиллерии. Прежде всего повел к Иваново-Вознесенскому полку батарею Хребтов. Он встал позади цепей и в первом же натиске неприятельском, когда застыли цепи в состоянии дикого, око-

стенелого ожидания, открыл огонь, и бойцы, заслышав свои батареи, вздрогнули и весело пошли вперед...

А. ПЕТРОВ

КАК БЫЛ КОНТУЖЕН ТОВ. ФРУНЗЕ

(Из воспоминаний участников боев на Восточном фронте).

В первых числах июня 1919 г. наша 74 бригада 25 дивизии заняла богатое кулацкое село Красноярку.

От города Уфы это было верстах в 20.

Красноярка расположена на берегу реки Белой. Против села—огромный остров, густо заросший, он таил в себе невидимого нам врага, который оттуда постреливал из пулеметов, и мы часто видели, как меж кустарников маячили конные всадники.

Стали готовиться к переправе. Саперы работали над устройством плота из поплавков Полянского, но все это было не прочно, не надежно.

Вечером 7 или 8 июля была назначена переправа. Тихая летняя ночь. Чуть-чуть тарахтит машина парохода. По сходням на него идут бойцы... Он уже два или три раза приставал к тому берегу и высаживал части.

Вдруг пронесся слух: прибыл тов. Фрунзе, командующий южной группой, и командир дивизии тов. Чапаев.

Внизу у берега, около белевшего плота, тихо совещаясь, собралась группа. В середине тов. Фрунзе, около него Чапаев. На нем кавказская бурка и какая-то странная фуражка с синим околышем. Тут же стоят: тт. Кутяков, Горбачев, Фурманов, Зубарев, славные сподвижники тт. Фрунзе и Чапаева.

Вот недалеко от них, с картой в руках, стоит, наклонившись, тов. Тронин, который в эту же ночь под утро свалился с простреленной грудью.

Наконец, отправляется последняя часть. С ней отправляется и ее командир тов. Горбачев. Тихо, без шума и разговора, проходят по сходням иваново-вознесенцы. Высокий, сильный тов. Горбачев прощается с тов. Фрунзе.

Рано утром загрохотали наши батареи. И пошла боевая работа. Были моменты, когда одолевал нас враг. Его аэро-

планы лили сверху пулеметный дождь, бросали бомбы, развернуться на узком острове было трудно, местность была незнакомая, и были жуткие минуты, когда становилось страшно при мысли об отступлении.

Отступать было некуда. Впереди—враг. Враг упорный, пьяный, дерзкий, дивизия генерала Каппеля. Позади—река, переправы нет... Мелькает мысль... Вот история второго Стохода, и был такой момент, когда наши дрогнули... И немудрено—измученные, голодные, потерявшие местами связь, в густом колючем кустарнике, и самое страшное—патроны на исходе.

В этот момент,—момент, который не забудет ни один из живых теперь бойцов 25 дивизии, впереди появляются тов. Фрунзе и тов. Чапаев.

Верхом, представляя ясную мишень для противника, пренебрегая смертельной опасностью, они повели полки вперед. И что совершали эти бессмертные бойцы! С одним патроном на винтовку, с криком «ура» бросились на действующий пулемет противника, штыками кололи врага и взятый пулемет тут же обращался против белых.

Вдруг... где-то закричали: «Командующий убит».

Мысль о страшной опасности прорезала мозг.

Снова небольшое замешательство.

Вот впереди появляется Чапаев, лоб его перевязан какой-то тряпкой, сквозь нее ярко краснеет кровь. Он тоже ранен в лоб пулей с аэроплана. В руке наган. Он ругается, кричит «ура», и снова бойцы, как один, стремительно летят вперед, все круша перед собой.

Противник дрогнул... отступает... «Ура» все громче рвет воздух.

Встречаю комиссара своей бригады тов. Пестова, набегу кричу:—«Что с Фрунзе»?

В ответ слышу... «контужен бомбой».

Но уж победа налицо. Враг бежит... «Ура» все победнее и сильнее звучит над широким простором реки...

9 июня в освобожденную Уфу стройно входили под звуки «Интернационала» войска славной боевой, родной 25 дивизии, ныне Чапаевской.

Х. РАКОВСКИЙ

ПЕРЕД МОГИЛОЙ ТОВАРИЩА

С Михаилом Васильевичем я познакомился зимой 1919 года, когда после разгрома Колчака он прибыл в Москву и выступал при открытии С'езда Советов. Он приковывал к себе внимание скромностью, спокойствием и мужественностью своего характера. Это вызывало полное к нему доверие.

Такое впечатление Михаил Васильевич оставил не только среди своих товарищей и сослуживцев, но и среди иностранцев, людей других взглядов, с которыми ему приходилось иметь дело. Благодаря этому качеству его поездка в Ангору в 1921 году, во главе украинской миссии, окончилась полным успехом и увеличила те естественные симпатии, которые руководящие политические круги Турции, начиная с Кемаль-паши, и турецкие народные массы питали к Советскому Союзу.

Нередко мне приходилось после этого встречаться за границей с представителями турецкого правительства или турецкого парламента и слышать о той искренней симпатии, которую вызвал М. В. своей личностью за время его пребывания в Ангоре.

Моя совместная работа с М. В. началась с конца 1920 г., когда, после полуликвидации польского фронта и начала переговоров в Риге, перед нами встала задача ликвидации врангелевского фронта. Проведение этой задачи было возложено на М. В. Он выполнил ее блестяще во всех отношениях. Своим прямым и честным характером, своим тактом он сумел об'единить вокруг этого дела все военные части, находившиеся тогда на территории Украины, в том числе конную армию тов. Буденного и Ворошилова.

Немедленно после этого, перед нами встала другая задача — ликвидация украинского бандитизма, ликвидация махновских, петлюровских и многочисленных других банд. Эти банды, использовав обстановку, когда мы не могли охранять наш тыл, будучи всецело поглощены борьбой с более важными противниками, бродили по всей стране, срывали нашу мобилизацию хлебозаготовки, систематически

истребляли советский аппарат, комнезамы, пускали под откос поезда, убивали, грабили и не давали возможности установить нормальную хозяйственную и политическую жизнь.

Главная доля в ликвидации бандитизма пала также на М. В., а задача была нелегкая. За долгие годы гражданской войны атаманы выработали свою особую партизанскую тактику, не предусмотренную военной наукой. Проделываемые ими «заячьи узлы» делали их неуловимыми для привычных к правильной тактике регулярных войск. Кроме того, они исключительно хорошо знали топографию местности и пользовались поддержкой кулачества. Их можно было уничтожить только противопоставивши им новую тактику как военную, так и политическую.

В этом деле М. В. имел хороших помощников. Имя одного из них само собой напрашивается. Я говорю о Котовском, который в уничтожении большой банды Тютюника в 1921 году, состоявшей приблизительно из 2.000 человек и перешедшей границу при содействии 2 отделения польского генерального штаба, проявил редкие тактические способности, повторив один знаменитый маневр Наполеона при Маренго. Он загнал банду в Волынские болота, так что она не могла больше пользоваться своей «заячьей тактикой». Воспоминания о Котовском связываются в моей памяти с воспоминаниями о М. В. не только потому, что и тот, и другой погибли почти в одно и то же время, но еще и потому, что оба они были молдавского происхождения, и что их об'единяла одинаковая привязанность к делу бессарабских рабочих и крестьян.

Здесь я должен выдать одно из сокровенных желаний Фрунзе, которое ему не удалось осуществить при жизни— освобождение Бессарабии. Об этом он мечтал уже после ликвидации врангелевского фронта. Соображения международного характера заставили тогда Ильича отсоветовать проведение этого плана. Но когда мы вместе с М. В. в 1921 году посетили левый берег Днестра и были, в частности, в Тирасполе, где еще живут его родственники-крестьяне, он с грустью смотрел на сады и дома правого берега, где, как он знал, Красную армию ждали и ждут.

Тогда же в связи с этой поездкой мы были, между про-

чим, и в Николаеве, с которым тов. Фрунзе связывали тяжелые воспоминания царского времени. В николаевском «централе», который считался одним из самых ужасных, М. В. провел в общем уголовном отделении, окованный в кандалы, 8 лет своей жизни. Мы посетили в этом «централе» общую камеру, где был заключен М. В., и где на стенах еще имеются знакомые ему надписи.

Тюремное заключение, а еще раньше истязания, которым он подвергался в иваново-вознесенской тюрьме, оставили глубокий след в его организме, и под внешне-бодрым, цветущим видом он скрывал расшатанную нервную систему, переутомление мускулов, сердца, и только усилиями своей редкой воли он мог нести тяжелую работу командующего восточным, потом южным фронтом, а впоследствии—руководство Реввоенсоветом.

На долю М. В. падает также большая работа по укреплению хозяйственного и политического фронтов Советской Украины. Как активный участник украинского правительства и член политбюро ЦК украинской коммунистической партии он принимал самое близкое участие в решении всех хозяйственных и политических задач. У Фрунзе было то, что можно назвать политической складкой. Несмотря на то, что сначала тюрьмой, а потом работой командующего фронтом он был до известной степени изолирован от политической жизни, он обладал такой интуицией, что не было ни одного внутреннего или международного вопроса, в котором он не разбирался бы сразу.

Он отличался, кроме того, необыкновенной жаждой знания. Для того, чтобы быть в состоянии знакомиться с иностранной военной литературой, он изучил французский язык и внимательно следил за заграничной печатью.

М. В. всегда вызывал любовь и уважение не только за свои исключительные качества, за свое мужество (между прочим, в погоне за махновскими бандами недалеко от Полтавы он сам едва не попал в плен), но еще и за его внимательное и чуткое отношение к своим товарищам.

Все это усугубляет ту громадную потерю, которую понесли в лице М. В. Фрунзе Красная армия, коммунистическая партия и трудящиеся рабочие и крестьянские массы, делу которых он отдал себя целиком.

С. ВЕНЦОВ

ДОРОГИЕ ЗАВЕТЫ

Тяжело и трудно сейчас, на второй день после столь тяжелой и неожиданной утраты для нашей партии, Красной армии и всего Союза, останавливать внимание на заветах Михаила Васильевича. Но это сделать необходимо. Лучшая память для дорогого вождя—усвоить его заветы и с еще большим упорством и энергией заняться усилением обороноспособности нашего Союза.

В самых кратких чертах мы остановимся на наиболее важных вопросах, которыми неотступно и с упорством занимался Михаил Васильевич за последнее время.

ВОСПИТАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ

«Если нам придется еще раз вооруженною рукою защищать Советскую землю, мы будем иметь против себя могучего и сильного противника. Это обязывает нас быть во всеоружии военного знания и боевой подготовки. Только неослабное внимание, напряженная работа и всесторонняя учеба поставят войска Красной армии и флота на высоту необходимых боевых требований». Так писал в своем первом приказе предревоенсовета 5 февраля 1925 г.

Уже в этом приказе намечается та первая группа вопросов, которая занимала Михаила Васильевича в работе по руководству вооруженными силами Союза. Дело воспитания и обучения армии, создание нормальных условий работы в наших незначительных кадрах, укрепление моральной обстановки Красной армии, улучшение быта и квалификация командного состава—вот к чему каждодневно призывал Михаил Васильевич, о чем он заботился, чем болел.

Только за последний год общее улучшение условий жизни поставило на твердую почву дело обучения и воспитания нашей армии. И потому понятно, какую ответственность возлагал Михаил Васильевич на постоянный состав Красной армии в этом вопросе. «Каждая ныне существующая частица Красной армии, в случае войны, имеет довольно значительный множитель, который, будучи приведен

в действие, во много раз увеличит и ее достоинства, и ее недостатки. Это должен учесть начальствующий состав Красной армии и работать усердно, работать творчески, ибо от его работы в очень и очень значительной мере зависит победа наша, победа международного пролетариата в грядущем столкновении с капиталом [1]).

ТЕРСИСТЕМА

Следующая группа вопросов, которые всегда стояли в центре внимания Михаила Васильевича,—это развитие территориальной системы строительства вооруженных сил СССР. Во всех своих распоряжениях и приказах, при посещениях войск, в каждом своем выступлении по вопросам обороны страны Михаил Васильевич останавливался на вопросах терсистемы, обнаруживая прекрасное знание действительной обстановки и вникая в каждую мелочь. Несмотря на постановления ряда партийных с'ездов, мы еще и посейчас имеем таких товарищей, которые полагают, что с небольшой кадровой армией мы сможем разрешить все поставленные нам задачи. «Нам нужно беспощадно разбивать эти иллюзии, этот детский лепет о том, что в современной мировой обстановке нам можно обойтись маленькой, но кадровой армией. Эта кадровая армия, при огромном протяжении нашей границы, с задачами обороны Союза не справится» [2]). В другом месте Михаил Васильевич пишет: «Совершенно очевидно, что первая большая война, которую нам придется вести, потребует от нас напряжения всех сил и средств. Для ведения ее будет далеко недостаточно кадровых дивизий. Придется ставить под ружье миллионы военно-обязанных для того, чтобы обеспечить от нападения врага важнейшие участки наших границ. Нужно, во-первых, эти миллионы заблаговременно обучить, а во-вторых, иметь такую военную организацию, которая бы легко и безболезненно, без вредной импровизации включила их в свой состав. В на-

---

[1]) Фрунзе. «Фронт и тыл в войне будущего». Сборник «На новых путях». Стр. 45.

[2]) Фрунзе. «Военное строительство и задача ВНО». Сборник «На новых путях». Стр. 114.

ших условиях, при нашей численности, такую организацию может дать только широкое развитие миллионной системы, как дополнение к небольшой кадровой армии прикрытия [1]). Об этом же единственно правильном и возможном для нас пути говорил Михаил Васильевич в своем докладе III Всесоюзному С'езду Советов. Опыт последнего года уже подтвердил правильность основной линии, которая проводилась Реввоенсоветом под руководством тов. Фрунзе. По всем практическим вопросам терстроительства Михаил Васильевич оставил нам необходимые указания и значительное количество новых и свежих мыслей. Необходимо углублять эту работу, организовать еще более прочную связь всех звеньев терсистемы с партией и гражданскими организациями. Большие практические трудности стоят на этом пути, но основной завет Михаила Васильевича—углубление и развитие терсистемы—должен быть выполнен на все 100 процентов.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ

Тесно связан с общим вопросом о системе наших вооруженных сил и вопрос о национальном строительстве в Красной армии. Совершенно ясно, что в военном деле необходимо осуществлять принципы нашей нациснальной политики. Но никто, как Михаил Васильевич, не сумел так чутко воспринять и твердо провести, сохраняя гарантию безопасности Союза, национальный момент во всей нашей военной работе. Уже сейчас десять процентов всего личного состава нашей армии представляют из себя цельные национальные формирования. Эта работа развернулась не только на Украине, Белоруссии, на Кавказе, но и среди наиболее неподготовленных в этом отношении народов Сибири и Туркестана. Заботы о национальном строительстве в Красной армии должны остаться на ближайшие годы важнейшим элементом всей нашей военной политики.

---

[1]) Фрунзе «Кадровая армия и милиция». Сб. «На новых путях». Стр. 91.

ТЕХНИКА

Следующая группа вопросов заключается в осуществлении лозунга, который был поставлен для Красной армии и страны самим Михаилом Васильевичем; этот лозунг: «Даешь технику». Еще до настоящего времени мы обладаем в большей своей части изношенным, а частично и устарелым вооружением и снаряжением. Нечего повторять здесь всем известные истины о значении технических усовершенствований в армии. Военная промышленность наша, хотя она и зиждется на обще-техническом развитии страны, до последнего времени была в достаточно сильном загоне.

Два года практической работы Михаила Васильевича связаны с усиленным развертыванием различных отраслей нашей военной промышленности. Рост воздушного и морского флота, заботы о химической промышленности, неоднократное давление и непрерывный интерес ко всей работе нашего военного производства—все это характерные черты для работы Михаила Васильевича, не только как предреввоенсовета, но и как члена СНК и других руководящих правительственных учреждений.

ЗНАЧЕНИЕ ТЫЛА

Вопросы технического усовершенствования армии теснейшим образом переплетаются с проблемой взаимодействия фронта и тыла в будущей войне и с вопросами военизации наших гражданских аппаратов. И в этих вопросах Михаил Васильевич с отчетливостью выявил задачи, стоящие перед рабоче-крестьянским государством. Будущая большая война будет вестись всей страной. В рамках одной только армии мы ни в какой степени не сможем осуществить задач подготовки нашей обороны. Отсюда и вытекает твердый курс, который проводил Михаил Васильевич на военизацию, еще в мирное время, всего нашего гражданского аппарата. Вопросы подготовки командного состава в наших вузах Наркомпроса, подготовка транспорта и связи к условиям будущей войны, подготовка к мобилизации различных видов нашей гражданской промышленности,—да разве можно перечислить

всю бесконечную цепь важнейших проблем в этой области, которые с настойчивостью ставились и проводились Михаилом Васильевичем за двадцать месяцев руководства нашими вооруженными силами! Эти проблемы и до сих пор не получили должного завершения; нередко приходится встречаться с неправильным пониманием этих вопросов у ряда работников в различных областях нашего хозяйства. В стенограммах речей Михаила Васильевича, в его статьях и докладах оставлен нам завет—двигать и дальше с той же энергией вопросы правильного понимания взаимодействия тыла и фронта в будущей войне.

В связи с этим общим взглядом на задачи по подготовке обороны страны, Михаил Васильевич всегда придавал в своей работе громадное значение тем общественным организациям, которые об'единяют у нас работников науки и физического труда и помогают делу обороны страны: Авиахим, ВНО, стрелковые и спортивные организации—все они пользовались вниманием Михаила Васильевича. Он был одним из активнейших работников ВНО и Авиахима. Заветом его остается мощное усиление этих общественных организаций, которые своей работой должны помочь делу повышения обороноспособности нашего Союза.

ПОЛИТРАБОТА

Последняя группа вопросов, на которой хотелось бы остановиться,—это роль наших политических органов, роль политической работы, значение ленинизма и марксизма в военной учобе. Михаил Васильевич не переставал отмечать при каждом своем выступлении те особенности в обстановке военной работы, которые имеются в Советском Союзе. Нашей политико-просветительной и воспитательной работе в армии Михаил Васильевич уделял значительное внимание. Но, кроме этого, Михаил Васильевич подчеркивал всегда значение ленинизма, как новой струи в учении о классовой войне. «Стратегия, являясь высшим обобщением военного искусства, должна учитывать не только чисто военные элементы, как численность армии и т. д., но должна учитывать и моменты политического характера. Только тот, кто обладает всеми этими познаниями, может претендовать на роль руково-

дителя Красной армии в условиях будущих военных столкновений»[1]). Михаил Васильевич обращал всегда внимание военных работников на блестящие образцы современного стратегического и тактического искусства, которое оставил нам тов. Ленин.

Мне удалось только в самых общих очертаниях наметить дорогие нам заветы Михаила Васильевича. Для работников Красной армии и флота—это необ'ятный источник для совершенствования дела обороны Союза. Удесятерим же нашу энергию! Дружной и творческой работой выполним и продолжим труды нашего дорогого вождя Михаила Васильевича Фрунзе!

П. БАРАНОВ

МАСТЕР ИСКУССТВА ПОБЕЖДАТЬ

Ушел друг многотысячной семьи командиров, политработников и красноармейцев. Ушел старший товарищ, наставник и руководитель, подлинный вождь Красной армии. Умер Михаил Васильевич Фрунзе.

В четверг, в полдень, он—на операционном столе. Несколько часов томительного ожидания.

Операция прошла без осложнений. Четверг и пятница—дни спокойной твердой, ничем непоколебленной уверенности: Михаил Васильевич скоро, очень скоро вернется к работе.

В субботу его не стало.

Партия, Красная армия, трудящиеся потеряли лучшего человека, прекраснейшего друга.

Михаил Васильевич обладал изумительной способностью сплачивать вокруг себя, вокруг дела, которому он беззаветно служил, людей самых разнообразных характеров. Его голубые глаза излучали так много любви, веры, энергии, что окружающие невольно проникались его настроением. Атмосфера взаимного доверия, напряженной энергии,

---

[1]) Фрунзе. «Вопросы высшего военного образования». Сб. «На новых путях». Стр. 126.

властного желания сломить препятствия всегда царили вокруг него в штабах, на фронте, в партийных организациях.

Я помню конец января, февраль 1919 года. 4-я армия Восточного фронта переживает агонию перехода от партизанских, анархических отрядов к регулярной Красной армии. Восстание Орлово-Куриловского и Туркестанских полков... Погибли тт. Линдов, Мягги, Майоров...

Восстание кончилось, но темные силы продолжают свою работу, подрывая доверие красноармейцев к командирам и штабам. Печать уныния и растерянности уже лежит на армии.

И вот—командующий т. Фрунзе. За короткое пребывание в штабе армии он вселяет веру в дело, энергию, об'единяет и сплачивает работников. Работа кипит. В лютые морозы, на перекладных крестьянских лошаденках—от Самары до Уральска буквально проскакивает Михаил Васильевич. Он среди войск, вчера бунтовавших. Он собирает командиров, еще и сегодня способных на партизанскую авантюру. Он завоевывает их доверие, внушает им уверенность в победе, превращает их в преданных, стойких солдат революции, передает им частицу своей безграничной любви и преданности делу.

Фронт перерождается. Изумительная способность Михаила Васильевича привязывать к себе людей начинает сказываться на 4-й армии. Одиночкой и группами тянутся к нам на фронт десятки и сотни людей, прежде работавших с тов. Фрунзе. Их не гнали. Они рвались за своим другом, которого любили преданно. Среди них партийцы, военные литераторы и рабочие. Молодые и старые.

С этого времени и начинается настоящее укрепление армии. Войска нашли своего вождя. Но ведь нужен цемент, чтобы скрепить все частицы армии в единый организм. Этим цементом и явилась плеяда работников, пришедших в нашу армию за Михаилом Васильевичем. А он понимал, что доверие и уважение нужно организационно укрепить. Умелой организаторской рукой этот большой человек быстро сколачивает армию. Работники направляются в части, в штабы, в управления. Всюду проникает взор Михаила Васильевича. Большие ответственные работники

без тени неудовольствия или скрытого раздражения идут на внешне маленькую работу. Так нужно.

В короткое время создана отличная армия, явившаяся основой в борьбе с Колчаком. В апреле штаб 4-й армии превращается в штаб Южной группы армий Восточного фронта. Выделяется штаб 4-й армии для руководства борьбой против уральских казаков.

Все ли знают, что энергии и большому организаторскому таланту тов. Фрунзе мы обязаны разгромом Колчака?

Колчак вбивал клин между 4-й и 5-й армией, отрезывая на юго-востоке 1-ю армию. Врезаясь между армиями, Колчак протискивался на Самару, стремясь отбросить Красную армию на правый берег Волги и соединиться с Врангелем на ее низовьях.

Положение критическое. Передовые части Колчака в 60-ти верстах от Самары. Решается вопрос: сдавать ли Самару? Эвакуироваться ли? Подготовлять психологически правый берег Волги, как оборонительный рубеж, или дать бой на восточном берегу Волги?

Без колебаний тов. Фрунзе создает план наступления против Колчака, проявляя великий талант полководца. Энергично и смело он добивается одобрения этого плана. И вот Колчак получает потрясающий удар с фланга.

Нужно было видеть, с какой настойчивостью, энергией и умением Михаил Васильевич подготовлял и проводил дальнейшее наступление. У каждого из нас, участников этого исторического момента, уже создавалась уверенность победы. Эта уверенность охватывала всех, начиная от члена РВС до маленьких командиров и рядовых красноармейцев.

А сколько было работы! Нужно было налаживать аппараты управления. Нужно было принять, обласкать и направить на работу иваново-вознесенцев, тянувшихся за тов. Фрунзе, сотни мобилизованных ЦК РКП коммунистов, военных и т. д., и т. д.

Нужно было инструктировать, проверять, мобилизовать, обувать, кормить, вооружать. Гора задач. И всюду и всегда—зоркий глаз, сплачивающий дух Михаила Васильевича; его настроение, его любовь к делу, его жгучая ненависть к классовым врагам — бодрили и поддерживали постоянное пламя энтузиазма.

Наступление грянуло.

Машина управления армиями заработала с безотказностью автомата.

Михаил Васильевич Фрунзе—на фронте. В момент наибольшего напряжения жизнь его—под пулями. Под Уфой рядом с тов. Фрунзе падает тов. Тронин, тогда начальник политода туркестанской армии. Присутствие тов. Фрунзе спасает положение. Там же, под Уфой, Михаила Васильевича почти насильно отправляют на другой берег Белой... Михаил Васильевич отделывается только контузией.

Таков был этот великий мастер побеждать. В нем сочетались поразительные черты, высекающие его личность в бессмертие. Выдающийся, гибкий талант полководца сочетался в нем с крупным организатором эпохи мирного строительства.

Твердая воля революционера мягко поддерживала его исключительно обаятельные черты...

Подлинно—мрамор бессмертия сочетается в нем со словами поэта:

— Милый гость земли...

Таков этот человек, вождь, этот полководец. Окрыленное любовью живет это прекрасное имя—Михаил Фрунзе.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Правительственное сообщение 7

ЦК РКП(б).

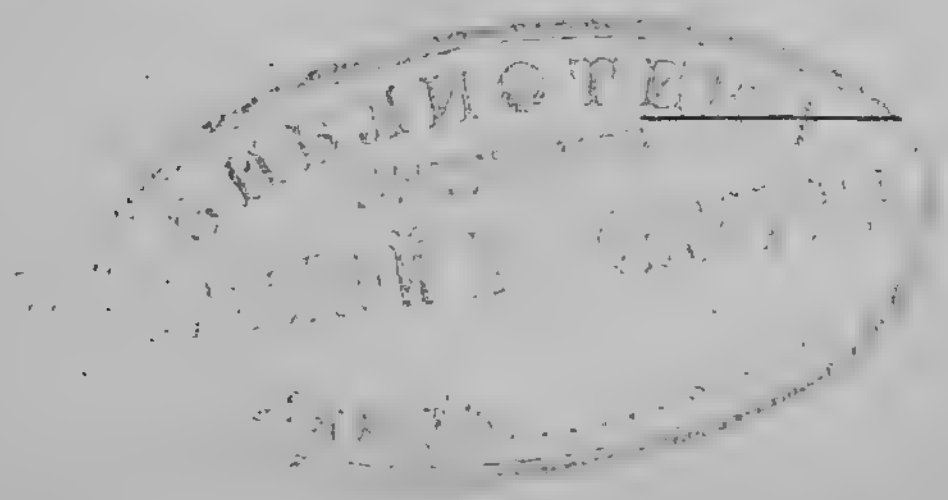
Ко всем членам партии, ко всем рабочим и крестьянам 8

ИККИ

Истинный Интернационалист 10
Биография М. В. Фрунзе 11

Памяти тов. М. В. Фрунзе.

М. Калинин 25
Демьян Бедный ..... —
Н. Бухарин 26
Л. Б. Каменев 29
А. Киселев 32
А. Енукидзе 35
А. Воронский 36
Уншлихт 43
И. Степанов 45
Затонский 49
В. Чубарь 50
Л. Троцкий 51
Буденный ..... —
Л. Полярный 53
Н. Соллогуб 59
С. Каменев 60
Гай 61
А. Андерс 63
А. Егоров 64
А. Верховский 65
Р. Эйдеман 68
Д. Фурманов 72
А. Петров 74
Х. Раковский 76
С. Венцов 79
П. Баранов 84



ИЗДАТЕЛЬСТВО МК РКП (б)
„МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“
Москва, Большая Дмитровка, 26. Тел., 4-31-65.

ПРОГРАММА ШКОЛЫ ПОЛИТГРАМОТЫ ВТОРОЙ СТУПЕНИ. (С основными мыслями бесед) Составлена Агитпропом МК РКП (б) и утверждена ЦК РКП (б). 79 стр. 30 к.

Содержание. Положение о школах 2-ой ступени. Об'яснительная записка к программе. Методические указания. Программа курса.

МАВРОГАН, А. К. — Ленин и Крестьянство. Материалы для работы клубов и изб-читален. 126 стр. 75 к.

СОЛЬЦ, А. и ФАЙНБЛИТ, С. Революционная законность и наша карательная политика. 126 стр. 70 к.

ЧЕРНЫШЕВ, В Р.—Чернышевский. и Г. В. Плеханов. Очерк их экономических воззрений. 91 стр. 65 коп.

Содержание. Предмет, задачи и метод политической экономии. Ценность (стоимость). Прибавочная ценность. Прибыль. Капитал. Заработная плата. Закон народонаселения. Теория обнищания. Кризисы. Земельная рента. Закон падающего плодородия почвы. Заключение.

ПИКЕЛЬ, Р. — Опыты путеводителя по ленинским сборникам. 72 стр., 25 коп.

Содержание. Значение ленинских сборников. Несколько замечаний. О методологии ленинизма. Ленин о диктатуре пролетариата. Документы из эпохи „ИСКРЫ“ и „ЗАРИ“. Письма Ленина к Шляпникову и Коллонтай. Из эмиграции в Россию. Письма Ленина к Горькому.

„Цель брошюры — помочь партийцу, приступающему к изучению Ленинских сборников, наиболее легко ориентироваться в колоссальном материале, разбросанном на протяжении полутора тысяч страниц и, таким образом, дать руководящую нить к более углубленному пониманию и усвоению ценнейших документов, написанных В. И. ЛЕНИНЫМ и впервые опубликованных в этих сборниках“.

СКАЗИН, Е. В. — Восстание 14-го декабря 1825 года. 84 стр., 50 коп.

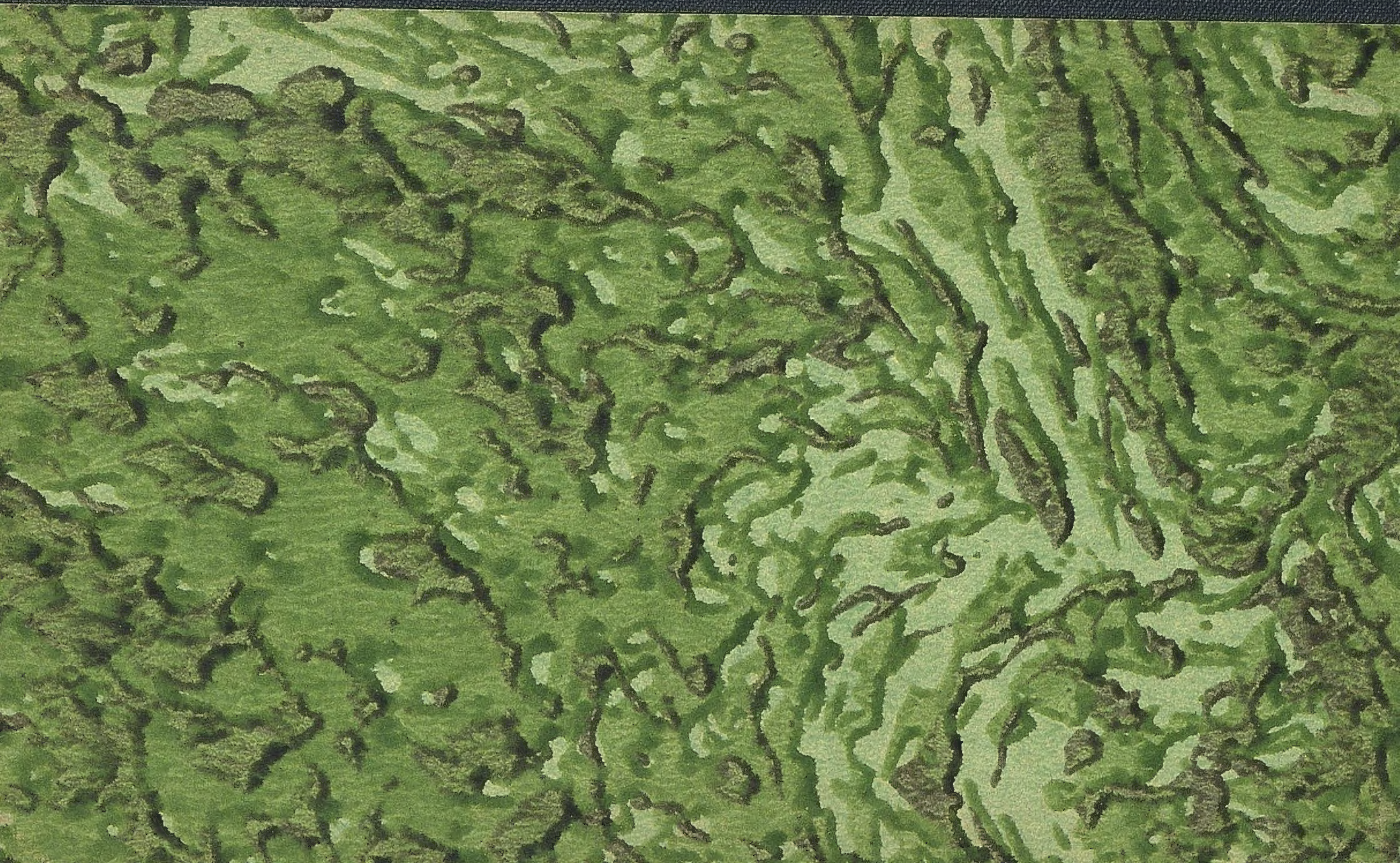
Содержание. Тайное общество декабристов. Организация и быт армии. Междуцарствие. Подготовка восстания. Четырнадцатое декабря. Список декабристов, осужденных верховным уголовным судом. Библиографический указатель.

ЧУДНОВЦЕВ, М. И. — 1905 год на Яхроме. 61 стр. В художеств. обложке, с иллюстрац. 45 коп.

Содержание. До пятого года. Забастовка. Начало конца. Капитал переходит в наступление. Заключение.

Приложения. Воспоминания участников забастовки. Из архива полковника Римана. Документы забастовки.

КРЕТОВ, Ф. — Крестьянство в революции 1925 года. 136 стр. В худож. обложке. 95 коп.

Содержание. Социально-экономические предпосылки крестьянского движения в революции 1905 — 1906 годов. Предвестники крестьянского движения 1905 - 1906 годов. Крестьянское движение в революции 1905—1906 годов. Роли крестьянства в революции 1905—1906 годов.

Цена 65 коп.